

[Примечание от интернет-публикаторов.

Настоящий текст приводится в основном по изданию 1913 года, с переводом на новую орфографию (отдельные особенности тогдашнего правописания, впрочем, сохранены для передачи исторического колорита). Сведения о редакторе книги и об авторстве ее глав (у нас – в квадратных скобках) даны сокращенными карандашными пометами в экземпляре книги из библиотеки Костромского Облгосархива, авторство их не установлено, но записи эти сделаны уже в новой орфографии. Старинные надписи с различных предметов, хранившихся в Ипатьевском монастыре, мы даем в оригинальной орфографии, поскольку и в 1913 г. они воспринимались как архаизмы; при этом в текстовой версии файла применены такие буквопередачи: ять = е*, фита = ф*, ижица = и*. Знак ударения в текстовой версии передан послебуквенным значком “, а курсив обозначен т_а_к_. Номера страниц по изданию 1913 года приводятся в квадратных скобках. Обложка не воспроизводится, т.к. она идентична титульному листу. Титульный лист и следующий за ним лист оглавления нумерации не имеют, она начинается на введении (его стр. 1, как и все первые страницы глав, в книге не нумерована).]

КОСТРОМСКОЙ ИПАТИЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

[под редакцией И.В.Баженова]

Издание
Редакции Костромских Епархиальных Ведомостей.

Кострома.
Губернская Типография.
1913.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Введение [Студитский И.]	1
Гл. I. Основание Ипатьевского монастыря, его перво- начальное состояние и последующая судьба [Студитский] . . .	6
Гл. II. Внешний вид и храмы Ипатьевского мона- стыря [Черницын А.И.]	21
Гл. III. Ризница Ипатьевского монастыря [Баженов]	57
Гл. IV. Палаты царя Михаила Феодоровича [Баженов]	84
Гл. V. Архиерейский дом и прочие монастырские здания [Черницын]	109

Костромской первоклассный кафедральный Ипатиевский монастырь — колыбель Царствующего Дома Романовых.

ВВЕДЕНИЕ.

В ряду священных памятников отечественной старины, которые имеют право на особенное внимание и уважение со стороны русского народа, Костромской первоклассный кафедральный Ипатиевский монастырь занимает весьма видное место как по дивным обстоятельствам своего возникновения, так в особенности по соединяемым с ним историческим воспоминаниям. Здесь во дни лихолетья (1609 г.) защитники православной веры и отечества мужественно сражались с изменниками русскими и слугами польского короля Сигизмунда III. Эта обитель в начале 1613 года в своих стенах укрыла Родоначальника ныне Царствующего Дома, 16-летнего Михаила Феодоровича Романова, вместе с матерью-старницей, в то время инокиней Марфой Иоанновной, от злодейской шайки поляков, намеревавшихся умертвить его в родовой вотчине его матери, селе Домнине (в 70 верстах от г. Костромы). В стенах этой же св. обители новоизбранный Царь, по избавлении от врагов, 14 марта 1613 года был умолен Московским посольством, вместе с Костромским освященным собором и всяких чинов народом, принять скипетр Московских Царей на радость и славу униженного врагами отечества. Без сомнения, для всякого русского, любящего свое отечество, должны быть священны и вечно памятны совершившиеся в Ипатиевском монастыре знаменательные события нашей истории, столь высокие по своему драматизму и важные

по своим благим последствиям для всей России: эти битвы под монастырскими стенами, — спасение в обители обреченного на смерть Избранника русского народа на царский трон, — эта торжественная процессия соединенного Московского и Костромского освященного собора с мольбой к новоизбранному Царю, в предшествии святых, в сопровождении именитого духовенства, царских сановников и толпы народной, — и сам он, смиренно стоящий у врат св. обители вместе с своею матерью-инокиней, царственный юноша, благоговейно преклоняющийся пред святынями и „со многим рыданием” отрицающийся от предложенной власти Самодержца всея Руси, — этот всенародный вопль в Троицком соборном храме и окрест в виду безуспешности 6-ти часовой мольбы к нему и его матери-старице, затем невыразимая радость всех, при этом присутствовавших, и их благодарная молитва к Господу Богу, после того как новоизбранный Царь, пав ниц пред св. иконами, молитвенно воззвал: „Аще есть на то воля Твоя, Господи, я — Твой раб, спаси и соблюди меня!” и, обратившись затем к чинам посольства и всего освященного собора, властно произнес: „Буди тако, аще есть на сие дело воля Божия!”

Недостаточно вспомнить, нужно понять умом и пережить сердцем все эти исторические моменты, имевшие место в священных стенах Ипатьевской обители, для того, чтобы оценить всю ее важность и значение в судьбах нашего отечества. Вот почему обитель издавна посещали венценосные государи и бояре, заботились о благоустройении и украшении ее, а многие именитые люди, почти с самого основания обители, и навсегда удалялись под кров ее и находили себе здесь место вечного упокоения. И в самом деле, так естественно посетить Ипатьевскую обитель и поклониться ее святыням, — видеть ее священные древности и отдохнуть в тени ее развесистых кедров! Ведь, побыть в ней и вместе беглым взором созерцать минувшие судьбы ее — значит проникнуться благоговением к дивным судьбам Промы-

шления Божественного, так ясно выразившегося в обстоятельствах самого возникновения обители и ее последующей судьбе, — значит — припомнить, как бы прочесть скорбные страницы из времен лихолетья нашей многострадальной родины и вместе начальную историю Руси, обновленной под скипетром Родоначальника Царствующего Дома; побыть в ней — значит раскрыть и оценить великую сокровищницу русского народного духа. Побыть — и выйти отсюда с мощным подъемом сил душевных и телесных, с верой в Промысл Божий о судьбах нашей дорогой родины, с надеждой на ее светлое будущее и признательную любовь ко всему русскому народу. Благоговейно проникнуться этими высокими думами и чувствами и приобщить к ним всех, посещающих эту святую обитель, — вот цель, которая имелась в виду при составлении настоящего очерка. Это с одной стороны. Но Ипатьевская обитель славна не только своим историческим прошлым. Она хранит в своих священных стенах замечательные памятники церковного зодчества, стенной живописи, иконографии и других священных предметов — письменности и древне-русского шитья. Разнообразие и богатство этих памятников могут быть достаточны для образования в ней целого церковно-археологического музея. Стоит отметить здесь хотя бы тот факт, что в этой именно обители найден был весьма ценный список первоначальной русской летописи (т. наз. Ипатьевский), относимый историографами к XV — XVI в.в.

Нельзя забывать и того, что в ней же возник и находился не малое время первый в Костромском крае рассадник духовного просвещения. Наконец, здесь же находятся покои царя Михаила Феодоровича на месте древних наместнических келлий, в которых он имел временное пребывание, вместе с своею матерью, пред самым избранием на царство.

Вот почему св. обитель Ипатьевская должна быть одинаково дорога и сердцу русского патриота, и уму ученого

исследователя старины. И мы действительно видим, что число благочестивых посетителей обители и ученых ее исследователей возрастает с каждым годом. В самом деле, забыть эту священную обитель можно, только изгладив из памяти дорогие страницы нашей истории начала XVII века, или же утратив в себе интерес к хранящимся в ней высокохудожественным произведениям древне-русского искусства. Но нет! Забвение это тем менее уместно теперь, в знаменательный в истории Ипатьевской обители и судьбах всего русского народа день 300-летней годовщины со времени вступления в стены ее на всероссийский престол Родоначалника Царствующего Дома, когда обитель, в сиянии своей исторической славы, благоукрашенная и извне от Всемиловивейших щедрот Благочестивейшего ГОСУДАРЯ Нашего ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, готовится всенародно праздновать свой и всей России великий юбилей.

Многовековая Ипатьевская обитель, в виду своего высокого интереса, имеет уже обширную литературу, которой отчасти и пользовались составители настоящего очерка. Наиболее известные печатные труды о ней следующие:

I. Епископ Павел (Подлипский). Описание Костромского Ипатьевского монастыря. М. 1832.

II. Прот. М. Диев. Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. М. 1858.

III. Прот. П. Островский. Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома. 1870.

IV. Проф. Н. Покровской. Древности Костромского Ипатьевского монастыря. См. Вестник археологии и истории, изд. Археологическим Институтом. СПб. 1885. Вып. IV.

Краткие сведения об Ипатьевском монастыре имеются также: в „Истории Российской иерархии” — префекта Новгородской семинарии, соборного иеромонаха Амвросия (ч. II стр.

632 etc., М. 1810); в исследовании о нем П. Свиньина, помещенном в „Отечественных Записках” 1819 г.; в „Костромских Губернских Ведомостях” за 1847 г., № 3; в статье преосвященного Макария в „Известиях СПб. Археологического Общества” (1861 г., т. III); в трудах В. Самарянова: „Памятная книжка для Костромской епархии” 1868 г. и „Палаты бояр Романовых в Костромском Ипатьевском монастыре”. Рязань. 1892 г.; в Памятниках Общества любителей древней письменности за 1878—1879 гг., под заглавием: „Фотографические снимки с вещей Ипатьевского монастыря”; в труде С. Яцковской: „Костромской Ипатьевский монастырь, колыбель Дома Романовых”. М. 1896 г.; в брошюре прот. И. Сырцова: „Архипастыри Костромской епархии за 150 лет ее существования (1747—1897)”. Кострома. 1898 г. и того-же автора: „Усыпальницы бояр Годуновых в Костромском Ипатьевском монастыре”; в „Костромских Епархиальных Ведомостях” за 1901 и 1902 гг., под заглавием: „Костромские церкви и монастыри по писцовым книгам XVII в.” И. Баженова и в его же брошюре „Костромской Ипатьевский монастырь”. Кострома. 1909 г. 1—42 стр. Наконец, богатый материал исследователю истории Ипатьевского монастыря дают книги монастырских вкладов, из коих лучшая переписана в 1728-м г. иеродиаконном Антонием Москвитиним, под заглавием: „Книга вкладная, кто что по обещанию дал вкладу в вечный поминок в дом Живоначальныя Троицы в Ипацкой монастырь”, а равно четыре древних синодика, из которых один составлен в половине XVII в., другой в конце XVII в., третий в половине XVIII в. и четвертый от начала XIX века. Много также ценных указаний содержит в себе сохранившаяся от 1736 г., на 122 л., монастырская опись, под заглавием: „Книги описные Троицкому Ипатскому обретающемуся при Костроме монастырю”, равно описи: от 1840 и от 1855 гг.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Основание Ипатьевского монастыря, его первоначальное состояние и последующая судьба.

Местоположение монастыря. Основание св. обители и попечение о ней потомков основателя. Вклады и жалованные монастырю грамоты московских великих князей и царей русских. Судьбы монастыря в Смутное на Руси время. Значение для обители воцарения в ней Родоначальника Царствующего Дома. Права, преимущества и средства монастыря в XVII веке. Упадок его материального благосостояния в последующие времена и его причины. Введение монастырских штатов и благопопечительность обители преосвященных ее настоятелей. Возвышение обители на степень первоклассного кафедрального монастыря. ВЫСОЧАЙШИЕ посещения обители и их значение для нее. Реставрация, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению, монастырского соборного храма в честь Св. Живоначальной Троицы.

КОГДА подъезжаешь сверху по р. Волге на пароходе к г. Костроме, взор приятно останавливается прежде всего на обители св. Ипатия, расположенной на возвышенном холме почти с отвесным обрывом к правому берегу р. Костромы, в расстоянии версты от впадения ее в Волгу. Любуешься тенистыми, раскидистыми монастырскими кедрами, как бы лентой, опоясанными белой каменной оградой, — высящимися над ними остроконечными башнями, красивыми позолоченными главами, увенчанными золоченными крестами на монастырских храмах и колокольне. Особенно во время весеннего водоразлива, когда обе реки выходят из своих берегов и затопляют на далекое расстояние местность, прилегающую к Ипатьевскому монастырю — вид его, подобно твердыни, царящей над безбрежной водной равниной, прямо очарователен. В стародавние времена, когда русло Волги, по преданию, подходило гораздо ближе к месту, занимаемому ныне монастырем, этот живописный уголок, образуемый слиянием двух рек (т. наз. стрелка), как-бы невольно манил к себе взор путника по Волге прохладной тенью

поросших здесь вековых дубов. Посему место, теперь занимаемое монастырем, было обычным пунктом для остановки плывших по Волге судов. Неудивительно, что здесь в 1330 году раскинул свои шатры татарский мурза Чет, вместе с семейством покинувший тогда раздираемую внутренними смутами Золотую Орду, для того, чтобы поступить на службу к великому Московскому князю Ивану Даниловичу Калите (1328—1341), добрая слава о котором достигла и татарских улусов, в низовьях Волги. И вот, во время отдохновения мурзы Чета, явилась ему в чудном видении Пресвятая Дева с Предвечным Младенцем на руках и молитвенно предстоящими Ей св. апостолом Филиппом и священномучеником Ипатием, еп. Гангским (+ в IV в. в Малой Азии). При этом явлении получив исцеление от недуга, мурза, поклонник Аллаха, вместе с любовью к русской земле почувствовал сердечное влечение и к ее вере. По прибытии в Москву обласканный великим князем Иваном Даниловичем Калитой, Чет вскоре принял св. крещение с именем Захарии и дал обет воздвигнуть на месте дивного явления ему Богоматери обитель для иноков. Испросив для сего у великого князя дозволение, а у митрополита Феогноста благословение, он построил здесь деревянный храм во имя Пресв. Живоначальной Троицы и деревянные же настоятельские и братские келлии и обнес все здания дубовою стеною.

Таково древнее сказание о начале святой обители. Потомки благочестивого Захарии, благоговейно сохраняя память об основателе обители, нашедшем себе в ней и место вечного упокоения, полюбили Ипатьевскую обитель, как свою родную, постоянно заботились об ее благоустройстве и обогащении, часто посещали ее, нередко доживали в ней свой век, приняв иногда иноческий постриг, и пламенно желали быть погребенными в ней рядом с могилами Захарии и сына его Александра. Мурза Чет-Захария считается родоначальником знаменитых в русской истории XIV—XV в.в. боярских родов, усвоивших себе фамилию Сабуровых,

Пешковых, Шеиных, Вельяминовых. Из них правнук Чета Константин Дмитриевич Сабуров приложил в обитель Ипатьевскую многолюдную вотчину, в 10-ти верстах от г. Костромы, с. Костенево, с деревнями; Федор Сабуров приложил такую же многолюдную вотчину близ г. Костромы, с. Кузьминское с деревнями; сын его – Михаил, имевший звание боярина и дворецкого, приложил с. Малое Яковлевское; Семен Дмитриевич Пешков, воевода сторожевого полка, – с. Яковлевское Большое, с деревнями, около г. Нерехты. Но из всех потомков основателя обители особенно любовью к ней и щедродательностью известен род прапраправнука Захарии, боярина Ивана Ивановича Годунова, родоначальника знаменитой в нашей истории 2-й половины XVI и начала XVII в. фамилии Годуновых. В лице бояр из этой фамилии Димитрия Ивановича и племянника его Бориса Феодоровича, в 1598 г. возвысившегося до царского трона (1598—1605), обитель Ипатьевская приобрела для себя прочную опору и надежнейший залог своего благоденствия на долгие времена.

Впрочем и ранее, даже сами русские государи свидетельствовали свое усердие к обители св. Ипатия жалованными грамотами и вкладами. Ряд таких грамот восходит к 6951 (1443) г., когда великий князь Василий Васильевич Темный, в память заключенного им в Ипатьевском монастыре мира с своим двоюродным братом Василием Косым, даровал монастырю, по просьбе игумена Феогноста, право на пользование перевозом через р. Кострому, под монастырем, с запрещением устраивать переправу выше и ниже обители. Это право было подтверждено за обителью грамотою царя Иоанна Васильевича Грозного в 7045 (1537) году; затем, грамотами царя Феодора Иоанновича от 7094 (1586), 7100 (1592), 7102 (1594) и 7103 (1595) г.г. монастырю были дарованы права на владение и вотчинами сел: Никольского, Карабанова, Солоникова, Сарафанова, — деревнями: Святое и Косодайлово, — пустошами: Тепру, Квашнино, Казанка и рыбными ловлями по р.р. Волге и Костроме. Но в сравнении со всем тем, пожертвования и заботы,

приложенные к благоустройству св. обители вышеназванными боярами Дмитрием Ивановичем и Борисом Феодоровичем Годуновыми, были столь велики, что по справедливости каждому из них дают право на наименование как бы второго основателя обители. Их иждивением в период времени с 1558 по 1603 г.г. были воздвигнуты каменные сооружения: собор во славу Пресв. Живоначальной Троицы, церковь в честь Рождества Пресв. Богородицы, церковь над святыми вратами во имя св. вмч. Феодора Стратилата и св. муч. Ирины (в честь тезоименитства царя Феодора Иоанновича и его супруги Ирины), колокольница, в пролет которой были устроены боевые часы с перечеасьем, кельи для настоятеля и иноков, трапезная палата и наконец каменная ограда на протяжении 243 саж. в окружности. При царе Феодоре Иоанновиче (1584—1598), когда государственными делами заведывал царский шурин Борис Феодорович Годунов, а церковными друг его — первый патриарх на Руси Иов (1589—1605), — настоятель Ипатиевского монастыря из игуменов был возведен в сан архимандрита. По крайней мере, в актах собора государственных чинов при избрании Бориса Феодоровича на царство в августе 1598 г. впервые упоминается Ипатиевский архимандрит Иоаким. С этого времени в Ипатиевском монастыре сосредоточивается главное управление духовными делами всей Костромской области; его настоятели заведывают монастырями других епархий, напр. Переяславским, Горицким, Кирилло-Белозерским. Вотчины Ипатиевские освобождаются от суда воевод и волостей, кроме случаев душегубства, разбоя и татьбы, и от многих государственных повинностей. Несудимую грамотою патриарха Иова от 1604 г. духовенство в Ипатиевских вотчинах было освобождено от суда патриарших десятильников, и с того-же времени, без сомнения, монастырь был возведен в достоинство „степенных“, с поставлением 10-м по степени; таковым же показан он и в Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. Вообще внешнее распространение Ипатиев-

ской обители, ее богатства и особые права и преимущества достигают во 2-й половине XVI века таких широких размеров, что она не без основания в надписях на иконах-прикладах того времени называется „преименитою лаврою”.

По временам этот многолюдный и благоустроенный монастырь, с его высокою каменною оградой, шестью боевыми башнями и амбразурами, которые снабжены были многочисленными пушками, служил военною крепостью, где можно было укрываться от преследования врагов. Так, известно из Ипатиевской летописи, что еще в 1382 году здесь нашел безопасное убежище вел. кн. Димитрий Иоаннович Донской, преследуемый ханом сарайским Тохтамышем, и сын его Василий 1-й, гонимый в 1408 г. всесильным в Орде мурзой Эдигеем. Но особенно высокое историческое значение монастырь приобрел в эпоху самозванцев и великую московскую смуту 1608—1612 гг. Сюда, после кровопролитного боя на улицах Костромы в начале марта 1609 г., удалились приверженцы Тушинского вора под начальством воеводы Никиты Вельяминова и около пяти месяцев выдерживали тесную осаду от ратных людей, оставшихся верными Московскому правительству. Положение засевших в монастыре поляков и русских изменников еще более ухудшилось в июне 1609 г. с прибытием к осаждавшим помощи из Ярославля на 17 судах, со многими ратными людьми и огненным боем. Предводитель русских патриотов, царский воевода Давид Жеребцов, окружив монастырь с трех сторон глубоким рвом и надолбами, день и ночь вел ожесточенный бой с тушинцами, делавшими из монастыря отчаянные вылазки. Прибывший во главе полторатысячного отряда на выручку осажденных отважный литовский наездник Лисовский не мог подать им никакой помощи, так как, подойдя к г. Костроме нагорною стороною из-под Юрьевца, не мог добыть годных для переправы чрез р. Волгу лодок и, теснимый к тому же от воеводы Жеребцова, вынужден был удалиться по направлению к Троице-Сергиевской лавре, осаждаемой в то

время Сапегой. По удалении же Лисовского, Вильяминов, не получая ни откуда помощи, уже не мог долго держаться в обители; и действительно, в следующем же июле месяце воевода Жеребцов вытеснил сидевших там врагов; последние, вышедши из монастыря, отступили к Святому озеру и, преследуемые войсками воеводы, были рассеяны, причем большое число их потонуло в озере.

Немало потерпевшая и обессиленная во время пяти-месячной осады, поставившей обитель в безвыходное положение невольной защитницы засевших в ней врагов против осаждавших ее друзей, Ипатиевская обитель только в горячих молитвах к Богу о спасении России могла искать себе отрады и утешения, нимало не предугадывая того, что в ближайшем будущем ей предстоит высокий жребий принять под свой священный кров и извести на Московский царский трон юного избранника всей русской земли, „спасителя веры и отечества” — Михаила Феодоровича Романова. Это событие чрезвычайной важности для всей русской земли, без сомнения, должно было сопровождаться благими последствиями и для св. обители. И мы действительно видим, что со времени принятия в ее стенах Михаилом Феодоровичем скипетра Самодержца всея Руси сами русские государи из благословенной Богом династии Романовых сменяют фамилию бояр Годуновых в деле благоустройства обители. Нельзя не подивиться здесь дивным путям Промышления Божественного: Романовы, столь жестоко преследуемые одним из Годуновых (Борис Феодорович), ревностным благоустроителем Ипатиевской обители, находят в ней надежнейшее для себя убежище; из них юный Михаил здесь принимает царский венец и продолжает дело Годуновых по благоустройству обители. Так в святом деле Промысл Божий объединил гонителей и гонимых. Первым проявлением заботливости царя Михаила Феодоровича об Ипатиевской обители было исправление и особенно надстройка оградной стены, поврежденной в тяжкую осаду 1609 г., и затем, по его же царскому повелению, „во спасение иночествующим и

в сохранение христоименитым людям”, на случай вражеского нашествия, к старой ограде была пристроена новая каменная на протяжении 144 саж., так что оба оградных четырехугольника образовали теперь окружность в 387 саж. При сыне его, царе Алексее Михайловиче, произведены были капитальные перестройки и дополнения почти во всех монастырских зданиях. Так, Троицкий собор, в котором Михаил Феодорович был умолен принять царский скипетр, вследствие разрушения его 29 января 1649 г. от взрыва пороха, хранившегося в подвальном помещении собора, в 1650—1652 гг. — был воссоздан заново по образцу Ярославского соборного храма. На время производства значительных построек в Ипатьевский монастырь были назначены строители, таковы: иеромонах Гурий, из дворян Ступишиных, бывший архимандрит Ипатьевского монастыря Иосиф и старец Пафнутий, а для защиты иноков и монастырских крестьян от притеснений — особые пристава. В судебных актах Ипатьевской обители упоминаются монастырские стряпчие: Шарапов, Бедарев и Шаховской — из дворян. Все таковые чины назначались государями только в знаменитые монастыри или те, которые пользовались особым царским благоволением.

Царственные заботы об Ипатьевской обители за описываемый период времени выразились также в даровании ей грамот. Таковы грамоты: от 7111 (1603) г. — на владение двумя дворами в Костроме на посаде; 7114 (1605) г. — на владение рыбными ловлями по р. Волге; грамота от 7122 (1614) г. о том, чтобы слуг Ипатьевского монастыря в исковых делах к крестному целованию не приводить, а крест целовать вместо слуг их людям (правом таковым пользовались тогда в России только монастыри: Троице-Сергиевский и Спасский в г. Ярославле); грамота от 7131 (1623) г. — подтверждающая, о владении подмосковными и костромскими вотчинами и угодьями, а также о свободе монастырских крестьян от всяких податей, полоняничных и приметных денег, от посошной службы, всяких денеж-

ных поборов и хлебных сборов; от 7134 (1626) г. — о владении мельницею на р. Корбе.

О богатствах и обширных монастырских доходах в XVII веке можно судить по кругу деятельности вотчинной монастырской конторы, ведавшей до 40 сел и деревень, с населением в 12 тысяч душ муж. пола, — 136 пожен на протяжении 200 десятин земли, рыбные ловли (16) и другие доходные статьи. Во владении той же конторы находились монастырские подворья: а) в Москве, в Китай-городе между улицами Ильинской и Варваринской, отчего переулок, где находилось подворье, назывался Ипатиевским; б) в С.-Петербурге; в) в Ярославле, за Семеновскими воротами, на Воздвиженском овраге; дом в Костроме — в Старом городе на Большой улице, близ Волжских или Водяных ворот, 11 лавок в Новом городе и 3 перевоза чрез рр. Волгу и Кострому.

Казалось бы, при таких богатых средствах, обусловливавших процветание Ипатиевской обители до конца XVII века, естественно было ожидать ее дальнейшего благостояния и в последующие времена; но не то показывают документы. Так, настоятель св. обители архимандрит Гавриил Бужинский в своем донесении св. Синоду от 22 апреля 1721 г. пишет, что, прибыв в г. Кострому, он „нашел в Ипатиевском монастыре все ветхим, растащенным и опустошенным; ризница так изветшала, что пред честными людьми и в самых лучших ризах служить не возможно, да и самая соборная церковь от весеннего разлива 1709 г. расселась на двое и вся каменная стройка подавалась в р. Кострому, ворота разъехались и держатся на деревянных подпорах, — всего же разорения обители кратко и описать невозможно”. Откуда же последовала такая неожиданная перемена? Едва ли будет справедливым допустить, что виною тому всецело было слабое управление настоятелей монастыря, их недостаточный надзор за чинами и монастырскими служками и излишняя доверчивость к управителям монастырских вотчин, забо-

тившимся нередко более о себе, чем об интересах монастыря. Главную причину значительного материального оскудения обители всего естественнее искать в новых распоряжениях правительства относительно монастырей вообще с начала XVIII века. Нужды военного времени (борьба с Турцией и Великая Северная война) требовали громадных материальных затрат, в которых принимало участие белое и черное духовенство, владевшее имениями. В силу этого правительственного распоряжения доходы с монастырских вотчин стали поступать в казну, и самые монастыри наполнялись инвалидами на полном монастырском содержании.

С 1744 г., когда учреждена была Костромская епархия, и до времени учреждения в 1764 году штатов для монастырей и архиерейских домов, для Ипатиевской обители наступили сравнительно лучшие времена. Новые настоятели ее, епархиальные архиереи, не только находят средства для поддержания в приличном виде учрежденных в обители, с открытием кафедры, архиерейского дома и кафедрального соборного храма, равно и других храмов и монастырских зданий, но дают приют в ней и посторонним учреждениям духовного ведомства. Так, благодаря просвещенной инициативе еп. Сильвестра Кулябки (1746—1750), в Ипатиевском монастыре в 1747 г. дано было место для духовной семинарии, которая и оставалась здесь до 1759 г., когда она преосвященным Дамаскиным (1758—1769) была переведена в приготовленное для нее новое помещение при Спасо-Запрудненском монастыре, где в то же время был устроен загородный архиерейский дом с церковью Введения во храм Пресвятыя Богородицы, первый же по времени загородный архиерейский дом был устроен еще в 1748 г. преосвященным Сильвестром при с. Солоникове с церковью в честь 3 вел. вселенских Святителей, а третий загородный архиерейский дом был устроен преосвященным Дамаскиным в 1761 г. в с. Костеневе. Спустя три года, ставшее в монастыре излишним, помещение вотчинной конторы было приспособлено

для духовной консистории, которая с самого учреждения епархии помещалась здесь до 1860 г., а с перемещением консистории в самый город, по распоряжению преосвященного Платона (1857—1877), бывшее ее монастырское помещение вскоре затем было приспособлено под богадельню для бедных и беспомощных священно-церковно-служителей, с штатом в 12—15 человек, на пожертвованный для этой цели Костромским уроженцем Киевским митрополитом Арсением (+ 1876 г.) капитал в 35 тысяч рублей.

Так благопопечительностью преосвященных настоятелей возрождалась с каждым годом св. обитель. Но когда в 1764 г. состоялось правительственное распоряжение об отнятии у монастырей вотчин, то и Ипатиевская обитель на ряду со многими другими монастырями была обречена этою мерою на продолжительное запустение. Тяжесть ее материального положения сравнительно с прочими обителями усугублялась еще тем обстоятельством, что в год лишения вотчин в ней оканчивалась значительная постройка теплого соборного храма в честь Рождества Богородицы, и она скудными окладами от коллегии экономии на содержание архиерейского дома и кафедрального собора должна была теперь без всяких посторонних доходов поддерживать свои многочисленные здания, каковых не имело большинство прочих обителей. Но вот, спустя три года по учреждении монастырских штатов, именно 15 мая 1767 г., Ипатиевскую обитель посетила Императрица Екатерина II в свое путешествие по Волге от Твери до Казани. По приветствии в святых вратах речью преосвященного Дамаскина, она слушала на царском месте в Троицком соборном храме Божественную литургию; обозрев затем монастырские храмы и прочие здания и приняв во внимание скудость средств, предоставленных с 1764 г. монастырю, или точнее — архиерейскому дому, Государыня пожаловала в распоряжение преосвященного три тысячи рублей на удовлетворение неотложных монастырских нужд.

А нужды эти, действительно, скоро настали великие...

В этот период оскудения средств знаменитого монастыря, можно сказать, все почти монастырские здания пришли в жалкое состояние. Кафедральный собор, как безприходный, к тому-же стоявший за рекой и вдалеке от города, нередко нуждался даже в необходимом освещении, особенно при архиерейском служении. В таком положении соборяне прибегли к крайнему средству — сбору пожертвований. Этим путем было собрано до 17 тыс. руб. ассигнациями, на что и были удовлетворены насущные потребности по кафедральному собору. Одновременно с тем возрастали и нужды архиерейского дома. В 1800 году эту обитель, бывшую некогда богатою и славною, принял в свое управление преосвященный Евгений (1811) в самом жалком положении. Архипастырь скорбел душою об ее бедственном состоянии, но средства к удовлетворению всех ее нужд, — одна другой требовательнее, — в его руках были столь ничтожные, что за расходами по содержанию архиерейского дома и его штата о капитальном ремонте монастырских зданий невозможно было и думать. При таком безвыходном положении обители преосвященный Евгений вынужден был обратиться в Св. Синод с ходатайством о дозволении брать на необходимые нужды архиерейского дома и кафедрального собора по 1000 руб. в год из сумм городского Успенского собора. Получив разрешение на означенное ходатайство, преосвященный успел за время своего управления обителью произвести необходимые поправки в кафедральном соборном храме и прочих монастырских зданиях, кроме архиерейского дома. Памятником же его заботливости о месте жительства архиереев и доселе служит небольшой сад между архиерейским домом и береговыми монастырскими укреплениями.

19 августа 1817 г. обитель посетил великий князь Михаил Павлович и сообщил радостную весть, что сам Государь имеет намерение быть в Костроме и видеть колыбель Дома Романовых — обитель Ипатьевскую. Но Государю Императору Александру Павловичу не суждено было посетить Кострому и обитель Ипатьевскую. Долгожданная весть осуществилась

лишь 7 октября 1834 года, когда Ипатьевскую обитель посетил Государь Николай Павлович и положил начало ее возрождению. Увидев крайне бедственное положение обители, Государь выразил свою Высочайшую волю, чтобы она была приведена в состояние, соответствующее своему историческому значению колыбели Царствующего Дома, и повелел губернатору Приклонскому чрез Министра Внутренних Дел представить свои соображения по этому делу на Высочайшее благоволение. Во исполнение Высочайшей воли губернатор представил свое донесение 6 ноября того же года; а преосвященный Павел (1830—1836) представил в Св. Синод свой проект улучшения внешнего и внутреннего вида св. обители. 31 марта следующего года, в день памяти смч. Ипатия, последовало определение Св. Синода о возведении Ипатьевского монастыря на степень первоклассного кафедрального под непосредственным управлением епархиального архиерея с уменьшенным штатом монашествующих по образцу московского Чудова монастыря. Одновременно с тем в нем был упразднен Кафедральный собор, каковым с того времени стал именоваться городской Успенский собор, а в июне того же 1835 года последовал Высочайший указ о внешнем обновлении Ипатьевского монастыря по чертежу, составленному проф. Императорской Академии Художеств К. Тоном. На Высочайше дарованные средства в количестве 180 тыс. руб. и частью на монастырские суммы (9 тыс.) и средства архиерейского дома (4 тыс.) с 1835 г. по 1862 в обители не только были обновлены все пришедшие в ветхость прежние здания, но и сооружены новые. Одновременно с тем на покрытие монастырских расходов были изысканы новые постоянные средства; так, в 1861 г. преосвященным Платоном было исходатайствовано разрешение устроить при архиерейском доме за бывшими наместническими кельями свечной завод для снабжения монастырей и церквей епархии восковыми свечами; в 1892 г. завод этот отдан в арендное содержание епархии за 7 тыс. руб. в год.

Отмеченные Высочайшие посещения, сопровождавшиеся для обители столь благотворными последствиями, не были единственными. Обитель св. Ипатия всегда была близка Царствующему Дому Романовых, а с половины XVIII в. стала для него особенно дорогою, — и в этом нельзя не видеть особой заслуги со стороны ее преосвященных настоятелей. Взяв с 1744 г. в свое управление Ипатьевский монастырь, они, заботясь об исправлении в нем ветхостей, в то же время ревностно старались обновлять в памяти современников исторические события, имевшие место в обители. С этою целью они извлекали из монастырских архивов древние велико-княжеские и царские грамоты, из кладовых — царскую утварь, сберегавшуюся там от повреждения; из монастырских стен — камни, на которых было начертано время основания того или другого храма, того или другого монастырского здания, и эти камни — летописи устанавливали в обители на более видных местах. Со 2-й пол. XVIII века высокое историческое значение Ипатьевской обители настолько выяснилось в сознании монастырских властей, что они при каждом удобном случае старались распространять сведения об этом в русском обществе. Эта же цель ясно видна в речах их при Высочайших посещениях св. обители в 1767, 1817 и 1834 г.г. В XIX веке слава Ипатьевской обители, как места убежища Родоначальника Царствующего Дома от злодейского замысла против него поляков и вместе самого избрания и воцарения его на всероссийский престол, широко распространилась по всей русской земле — от царских палат до избы поселянина.

Одновременно с тем и посещения „этой колыбели необъятной славы” (по выражению в указе Св. Синода от 21 авг. 1842 г.) членами Императорского Дома стали повторяться все чаще и чаще. Так, в 1837 году обитель изволил посетить Государь Наследник Александр Николаевич; в 1850 г. — вел. князя Николай Николаевич и Михаил Николаевич; в 1858 г. обитель осчастливили своим посеще-

нием Их Императорские Величества Государь Император Александр Николаевич и Государыня Императрица Мария Александровна с вел. княжной Марией Александровной; в 1863 г. — Государь Наследник Николай Александрович; в 1866 г. — Государь Наследник Александр Александрович с Августейшим братом, вел. князем Владимиром Александровичем; в 1868 г. — вел. князь Алексей Александрович; 22 июля 1881 года обитель изволили посетить Их Императорские Величества Государь Император Александр Александрович и Государыня Императрица Мария Феодоровна с Августейшими детьми: Государем Наследником Николаем Александровичем и вел. князем Георгием Александровичем и Августейшим братом Государя Императора, вел. князем Алексеем Александровичем; в августе того же года обитель посетил вел. князь Николай Николаевич Старший и вел. князь Петр Николаевич; в 1898 г. — вел. князь Сергей Александрович. В последний раз св. обитель посетили Высочайшие Особы в 1908 году, именно: Ее Величество, королева эллинов, Ольга Константиновна и Августейший брат ее, вел. князь Константин Константинович с детьми, Их Высочествами: княжной Татианой Константиновной и князьями: Иоанном, Гавриилом, Олегом и Игорем Константиновичами.

Указанные Высочайшие посещения обители, начиная с половины XVIII в. и до наших дней, внося с собою великую для нее отраду и утешение, тем самым делали для нее как бы нечувствительными когда-то пережитые ею экономические затруднения и политические смуты, которые, отодвигаясь в даль веков, становились для нее простым историческим воспоминанием и тем более, что посещения эти нередко соединялись с обильными жертвами от Царских щедрот или сопровождалась значительными правительственными вспоможениями на ее благоустройство. Таковы Высочайшие приношения в обитель и правительственные пособия от 1767, 1822 (когда на ремонт было отпущено из государственного

казначейства 57.687 руб. ассигнациями), 1835 и 1908 гг. (было получено из сумм Св. Синода 6.000 руб.).

И ныне, по случаю великого юбилейного торжества, знаменитая по своим историческим воспоминаниям обитель Ипатьевская не забыта Царскою милостию. По Высочайшему от 6 января 1911 года утверждению заключения Совета Министров назначено ей из государственных сумм 97.536 руб. на ремонт и реставрацию главнейшей ее святыни — храма Живоначальныя Троицы, каковая работа, при просвещенном руководстве со стороны С.-Петербургского Организационного Комитета по устройству торжеств 300-летия царствования Дома Романовых и местного Комитета по ремонту и реставрации собора и под ближайшим наблюдением архитектора Д. В. Милеева, специально для этой цели командированного, в настоящее время закончена, и таким образом главнейшая историческая святыня Ипатьевского монастыря — Троицкий соборный храм — отныне является благочестивому взору посетителя св. обители во всем своем древнем величии.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Внешний вид и храмы Ипатьевского монастыря.

---

1) ВНЕШНИЙ ВИД МОНАСТЫРЯ И ЕГО ВНУТРЕННЕЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ.

Местоположение и общий вид монастыря. Устройство монастырской ограды первоначальное и в последующие времена. Монастырские ворота и сад. Расположение монастырских зданий.

ИПАТИЕВСКИЙ монастырь, расположенный на находящемся среди обширной волжской равнины небольшом возвышении, с красивой между монастырскими стенами аллеей из вековых кедров, лиственниц и лип, производит на посетителя приятное впечатление как своим красивым и величественным внешним видом, так и находящимися в нем каменными храмами и другими его зданиями. Это впечатление от наружного вида св. обители становится еще более глубоким и сильным при ближайшем знакомстве с историческим прошлым, также с архитектурными формами старинных зданий монастыря и богатым собранием ценных предметов церковной старины, делающих его как бы церковно-археологическим музеем.

Когда посетитель приближается к монастырю по сплавному мосту чрез реку Кострому, ему прежде всего бросается в глаза окружающая эту обитель довольно высокая (до 9 арш.) белокаменная ограда, с башнями по углам и середине продолговатого неправильного многоугольника, образуемого площадью монастыря. Как видно из записных расходных книг монастыря, постройка первой каменной ограды кругом „старого города” *) в замен прежней дубовой, была

---

*) Так называлась первоначальная часть монастыря в отличие от новой, присоединенной к нему с западной стороны в 1642—3 г.г. и известной под названием «нового города».

произведена по повелению царя Феодора Иоанновича в 1586—1590 годах на средства бояр Димитрия Ивановича и Бориса Феодоровича Годуновых.

Одновременно и в связи с оградой было построено шесть больших башен и четверо ворот, в том числе двойные ворота с восточной стороны, южные и западные. Первоначальная ограда, каменная, была немного ниже нынешней, так как известно, что в 1621 году она несколько надстроена, без изменения, однако-же, прежнего плана. Ограда имела не более 243 сажен в общем протяжении и окружала монастырь преимущественно с северной и южной сторон, а с западной и восточной — лишь отчасти, непосредственно примыкая к монастырским зданиям, служившим таким образом продолжением ее.

В 1642—1643 гг., по повелению царя Михаила Феодоровича, площадь монастыря была увеличена присоединением к ней с западной стороны небольшого пространства земли в 2250 квадр. сажен в виде почти совершенного квадрата. Последний тогда же обнесен каменной оградой, которая служила продолжением прежней ограды и имела высоту одинаковую с ней. Эта новая ограда была пристроена на протяжении 144 сажен, и таким образом длина всей монастырской ограды определилась в 387 пог. сажен. При новой оgrade устроены двойные ворота и две наугольные башни и третья, средняя между ними, зеленая башня, названная так по зеленой на ней черепичной крыше. Зеленая башня была построена в память того, что новоизбранный царь Михаил Феодорович Романов до того места, где она стоит, сопровожден был из монастыря с крестным ходом 19 марта 1613 года, когда выезжал в Москву на царство.

В 1650 году царь Алексей Михайлович в грамоте от 25 марта, разрешая братии Ипатьевского монастыря устроить новый храм вместо значительно поврежденного в 1649 году взрывом пороха Троицкого собора, между прочем, добавил: „если у вас в монастыре в монастырской казне будет

денег много, то вы-б велели прибавить в вышину монастырские городовые стены”. По желанию царя, ограда была значительно возвышена и устроены на ней пространный внутренний ход от одной башни до другой и амбразуры. Ограда и башни были при этом снабжены пушками, из которых несколько сохранилось и донныне. Башни первоначально были покрыты тесом и имели различную форму покрытия. В 1840 г. верхи башен, кроме зеленой башни, получили одинаковую конусообразную форму и были покрыты железом.

Почти с самого начала XVII века монастырь был окружен с северной, западной и южной сторон рвами, глубиною до шести аршин, каковые рвы были выкопаны костромичами в 1609 г. с целью лишить осажденных ими укрывшихся в монастыре поляков всякой возможности избежать сдачи. Эти рвы впоследствии были выложены камнем в целях лучшей защиты монастыря от нападения неприятелей, а башни, кроме того, были окружены большими земляными насыпями, почему монастырь и назывался „с бои”. Рвы эти засыпаны в 1833—1837 годах.

После сильного наводнения весною 1708 г., когда вода проникла внутрь Ипатиевского монастыря и даже наполнила собой подвалы Троицкого соборного храма, вследствие чего в стенах последнего образовались расселины и даже порвались две связи, признано было необходимым обнести монастырь деревянным обрубом сначала со стороны реки Костромы, а потом и с южной и отчасти западной сторон. При епископе Симоне Лагове (1769—1778) вместо старого обруба был устроен на протяжении 155¹/₂ саж. новый обруб из стоячих бревен. В 1803—1807 годах такой же обруб был устроен от зеленой башни и далее по южной стороне монастыря. Чтобы вода не могла проникать сквозь обруб, толщина последнего была увеличена земляною насыпью, для чего был устроен деревянный обруб и изнутри. В 1840—1841 г.г., при епископе Владимире Алявдине, обруб этот был

разобран с восточной и южной сторон и вместо него сделана земляная насыпь, обложенная булыжным камнем, и на ней построена каменная ограда вышиною около 3 аршин на протяжении 268 сажен.

Первоначально в Ипатиевский монастырь вели двойные ворота, устроенные на восточной стороне монастырской ограды, в одной связи с оградой и привратными кладовыми и экономами кельями. Они назывались святыми и водяными воротами, так как были обращены к р. Костроме. Эти ворота были главными въездными воротами монастыря и были таким образом расположены прямо против ворот выездных, западных.

По известию епископа Павла Подлипского, над этими святыми и прежними въездными воротами в 1586 г. усердием бояр Дмитрия и Бориса Годуновых были устроены две церкви — одна во имя св. великомученика Феодора Стратилата, а другая — св. мученицы Ирины, тезоименитых царю Феодору Иоанновичу и супруге его царице Ирине. Во время литовского нашествия обе церкви были так сильно повреждены, что долго потом оставались без богослужения. В конце XVII столетия они были возобновлены и, в честь тогдашних царей Иоанна и Петра Алексеевичей, освящены — одна во имя св. Иоанна Предтечи, а другая — во имя свв. апостолов Петра и Павла и существовали до 1775 г., когда за ветхостию были упразднены по распоряжению епископа Симона Лагова. На месте их в настоящее время находится храм во имя свв. Хрисанфа и Дарии, с аркою под ним, ведущею в монастырский сад и на р. Кострому.

Нынешние св. ворота, ведущие в монастырь с севера, имеют сравнительно позднее происхождение. Они устроены при еп. Дамаскине, в 1767 году по случаю посещения Ипатиевской обители Императрицей Екатериной II и разделаны гораздо выше прежних, что были со стороны р. Костромы, оказавшихся для данного случая низкими и тесными.

Ворота эти состоят из двух арок, из коих одна

в самой каменной ограде, а другая — между прилегающими к ним зданиями. Арки соединены между собою двумя продольными каменными стенами, образующими собою как бы корридор, длиною 24 и шириною 8 аршин. На первой из этих арок изображены с внешней стороны: св. Троица, а внизу — вензель Императрицы Екатерины II, вступившей чрез эти ворота в монастырь 14 мая 1767 года, а с внутренней стороны — св. великомученик Феодор Стратилат с Феодоровскою иконою Божией Матери в руках в память бывшего тут прежде храма во имя этого святого. Над второй же аркой с северной стороны изображены свв. Ипатий и Михаил Малейн, а с южной — всевидящее Око.

Прочие монастырские ворота имеют в настоящее время второстепенное значение. Между ними южные ворота в „старом городе”, под четверугольной башней, с изображением вблизи их на монастырской стене Нерукотворенного Образа Христа Спасителя, пред которым ежегодно, 16 августа, совершается молебствие, и северные ворота в „новом городе”, с изображением над ними архистратига Михаила, остаются почти без употребления. Западные же ворота в „старом городе”, с изображением на них Нерукотворенного Образа Спаса и Казанской иконы Божией Матери, и другие противоположные им в „новом городе”, что под зеленой башней с изображением Св. Троицы с предстоящими — Богоматерью и св. И. Предтечею и молящимися свм. Ипатием и Михаилом Малейным, служившие до второй половины XVIII ст. главными выездными воротами, до последнего времени обслуживали лишь хозяйственные нужды обители. Ныне через ворота пролегает, так называемый, „исторический путь”, устроенный в память того, что этим путем 19 марта 1613 г., в сопровождении крестного хода, шествовал из св. обители новоизбранный царь Михаил Феодорович Романов, отправляясь в Москву на царство.

Между деревянным первоначальным обрубом, впоследствии земляною насыпью, и затем каменной невысокой огра-

дой, с одной стороны, и монастырской старинной стеной, с другой, окружает святую обитель с восточной и южной сторон красивая аллея, состоящая преимущественно из кедров, лиственниц и лип, каковой сад разведен еп. Евгением в 1800—1811 годах.

В „старом городе” монастыря храмы и другие здания расположены таким образом. Прямо от св. ворот, ведущих в монастырь с севера, высится величественный соборный храм во имя Св. Живоначальной Троицы и направо от него — колокольня, а между ними как бы в углублении — церковь во имя Рождества Пресв. Богородицы. Налево от св. ворот, в северо-восточном углу монастыря, расположен архиерейский дом с церквами во имя: а) свв. Хрисанфа и Дарии и б) св. апостола Филиппа и священномученика Ипатия. Направо от св. ворот простирается каменный корпус братских келий, а под прямым углом с ним, параллельно внутренней западной стене ограды, расположены каменные Палаты или дворец царя Михаила Феодоровича Романова. На юг от Палат находится каменный корпус братских келий с кладовыми и за ним, вдоль южной ограды, — наместнический корпус, обращенный ныне в епархиальный свечной завод. В „новом городе” имеется только одно капитальное каменное здание, ныне занимаемое богадельней для священно-церковно-служителей Костромской епархии, построенное в 1728 г. первоначально для вотчинной монастырской конторы, а потом служившее довольно долго (1744—1860) помещением для Духовной Консистории.

2) ТРОИЦКИЙ СОБОРНЫЙ ХРАМ.

Первоначальное устройство Троицкого собора. Разрушение его в 1649 г. и восстановление в 1652 году. Царское место. Размеры и внешний вид новосозданного храма. Вход в Троицкий собор и окружающие его галереи и их стенопись. Входные двери и украшения их. Настенная в соборе фресковая роспись. Иконостас, наиболее замечательные иконы в соборе и другие предметы старины. Последующие перемены во внешнем и внутреннем устройстве Троицкого собора.

В ряду зданий Ипатьевского монастыря, без сомнения, первое место принадлежит Троицкому соборному храму, как

по важности исторических событий, в нем совершившихся 14 марта 1613 года, так и по самой величественности этого священного здания, архитектурным его формам, изяществу и внутреннему богатству.

Троицкий храм первоначально был построен, по преданию, в 1330 годах татарским мурзою Четом и, без сомнения, был деревянный, притом малых размеров. Троицкий храм того времени построен был, как полагают, на подклете, о пяти верхах, с папертями и с приделом во имя св. ап. Филиппа и свм. Ипатия. Других каких либо сведений о древнем Троицком храме до нашего времени не сохранилось.

Более определенные сведения о Троицком соборном храме, равно и о других в обители храмах, имеются лишь от второй половины XVI столетия. Так, из записных расходных книг монастыря за 1562—1596 г.г. видно, что „при державе блаженные памяти Государя Царя и великого князя Феодора Иоанновича всея России и при его благоверной Государыне и Царице и великой княгине Ирине, из получаемых в оных годах от Димитрия Ив. Годунова денег строена”, между прочим, „и прежняя церковь соборная Троицкая и паперти достроиваны и внутри церкви стенное письмо писано в 103 и 104 годах” (1595—1596 г.). Как видно из монастырской описи 1609 года и грамоты царя Алексея Михайловича от 25 марта 1650 г. на имя архимандрита Ипатиевского монастыря Гермогена, Троицкий собор был построен Димитрием Ив. Годуновым в стиле московских храмов XVI века на подклетах, имел внутри в ширину 5, а в длину 4 сажени. На соборном храме было пять глав, крытых немецким железом, с позолоченными крестами на золоченых же яблоках. С трех сторон Троицкий храм окружали каменные паперти, крытые, как и самый храм, в 1595 году немецким железом. В храм вели три двери, обитые медью и золоченые, с резными вычеканенными образами и изречениями пророков; в двух из этих дверей

находились вторые слюдяные. В храме до 90 икон было приложено Д. И. Годуновым, из коих 45 были в золотых окладах, а прочие — в серебряных. Престол в храме был также серебряный, чеканный, приложенный Д. И. Годуновым в 1595 году вместе с бархатною индитиею, вышитую жемчугом.

Так благоустроенный и украшенный на средства бояр Годуновых Троицкий соборный храм, в котором 14 марта 1613 года боярин Михаил Феодорович Романов изволил принять скипетр Московского царства, существовал недолго, быв значительно поврежден от взрыва пороха в подвалах храма. По словам описной книги Степана Васьяникова, „29 января 1649 года под тою (Троицкою) церковию трапезные робята заняли (зажгли) зелейную казну, и от того церковь взорвало, обои своды церковные и среднюю главу посыпало внутрь церкви, и алтари Живоначальныя Троицы и св. ап. Филиппа и свм. Ипатия и стену алтарную вырвало вон и около сторонних четырех глав, которые от передняя стороны, кресты и верхи сорвало, с двух же глав, которая над олтари, с верхов жесть оборвало, придельныя же церкви Михаила Малеина верхняго своду немного проломило, а двери церковныя совсем переломаны”. В следующем 1650 году, по просьбе архимандрита монастыря Гермогена с братиею, царь Алексей Михайлович грамотою от 25 марта разрешил, по разборке полуразрушенного соборного храма, построить на его месте новый по образцу Ярославского соборного храма, но не больше его, с тем, чтобы в новом храме были устроены приделы — один во имя св. ап. Филиппа и свм. Ипатия, а другой — во имя преп. Михаила Малеина, тезоименитого царю Михаилу Феодоровичу.

При разборке Троицкого храма было разобрано и находившееся близ царских врат царское место, присланное из Москвы царем Михаилом Феодоровичем 1 июля 1613 г. в память его воцарения в этом храме. Царское место было сложено в кладовую, в которой и хранилось в продолжение

117 лет, до 1767 года, когда, по случаю посещения г. Костромы и Ипатьевского монастыря Императрицей Екатериной II, оно было вновь собрано и поставлено в храме на том месте, где и ныне находится.

Царское место имеет в вышину 11 аршин. Оно сделано из липы, с разными мелкими изящными украшениями, на подобие остроконечной короны древних царей, с двуглавым орлом вверху и короной над ним. Царское место доселе имеет свой натуральный цвет и покоится на четырех резных львах, которые как бы служат для охраны входа в это священное место. В память того, что Императрица Екатерина II, при посещении св. обители 15 мая 1767 года, стояла на этом царском месте во время божественной литургии, на левой стороне его сделан резной вензель Екатерины II.

При вспомоществовании царя Алексея Михайловича, главным же образом на монастырские средства Троицкий соборный храм в продолжении двух с небольшим лет (1650—1652) заново воссоздан на месте прежнего храма; но по своим размерам он был гораздо больше последнего. Имея в длину с папертью 13 сажен, а в ширину 14 сажен, при высоте в 19 сажен, нынешний Троицкий храм представляет собою величественное здание византийско-русского зодчества, в типе московских храмов половины XVII века, с отличительными крытыми галереями с северной, западной и южной сторон.

По плану своему Троицкий соборный храм имеет форму несколько удлиненного четвероугольника, с тремя алтарными апсидами и четырьмя внутри столбами (двумя по середине храма и двумя за иконостасом), соединенными вверху арками, над которыми возвышаются трибуны и куполы храма.

Троицкий храм увенчан пятью массивными на каменных шеях главами, крытыми немецким железом, с крестами, позолоченными, на золоченых же яблоках. Снаружи при узких, но довольно высоких окнах в барабанах куполов,

Троицкий соборный храм, кроме других архитектурных украшений, отличается фасадными формами в виде закругленных свеху и украшенных священными живописными изображениями фас, находящихся поверх галлерей на северной, восточной и западной стенах храма, по три фаса на каждой стене. В этих фасах с северной стороны находятся фресковые изображения: справа — Господа на троне, с предстоящими — Богаматерью, Иоанном Предтечею и друг., в середине — Явления Аврааму трех странников и с левой стороны — Похвалы Пресв. Богородицы, с общею под ними в пояс подписью: „Приидите людие Триипостасному Божеству поклонимся”, а ниже их, в особых же клеймах, — изображения: свв. Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, архидиакона Стефана и московских святителей — Петра, Алексия, Ионы и Филиппа и херувимов на обоих концах указанного ряда. На восточной наружной стене храма изображены: с правой стороны — Распятие Иисуса Христа, в середине — свят. Троица, т. н. Отечество: Бог Отец, окруженный херувимами, с находящимся на лоне Его Сыном и над ним — Св. Духом, и с левой — Сошествие Св. Духа, а ниже их, тоже в трех клеймах, изображены: справа — Богоматерь, окруженная святителями, в середине — Нерукотворенный Образ Спаса нашего Иисуса Христа и слева — Господь, окруженный преподобными. На западной стороне храма находятся с начала XIX века изображения: Вознесения Иисуса Христа, Заступницы рода христианского и Преображения Господня.

Вход в Троицкий храм устроен чрез западную обширную галлерею-паперть, к которой ведет с северной стороны каменное крытое крыльцо, в виде изящного портика, со сводами, поддерживаемыми четырьмя дорическими колоннами, с полукруглыми арками и подвесными по середине их гирьками, из алебастра. Своды крыльца украшены стенописью, изображающею родословное дерево Царствующего Дома Романовых. На фронте крыльца имеются изображения Богоматери — „Неопалимая Купина”, виденной св. прор. Моисеем,

и Спасителя; с восточной стороны — Божией Матери, а с западной — И. Предтечи с чашею и Агнцем в ней. Врата, ведущие в галлерею и затем — в самый храм с северной, западной и южной (из придела св. Михаила Малеина) сторон устроены во вкусе XVII века и выделяются своими откосами, с особыми отливами в карнизах и арке, тремя колоннами и двумя брусьями на каждой стороне.

В галлерее-паперти, окружающей собор с северной и западной сторон (в южной галлерее церковь во имя св. Михаила Малеина и соборная ризница), своды, внутренние стены, простенки и откосы в окнах украшены стенописью. В северной галлерее, где до 1912 года находился придел в честь Смоленской - Шуйской иконы Божией Матери (перенесен ныне в зеленую башню), своды и стены не были прежде украшены стенописью; последняя вновь исполнена при реставрации Троицкого храма в 1912 году по образцам, заимствованным по преимуществу из церкви св. прор. Илии в г. Ярославле. В западной галлерее, где на внутренней стороне и значительной части свода издавна были фресковые росписи, они при реставрации 1912 года только подновлены; наружная же стена, простенки и откосы в окнах вновь расписаны.

Своды той и другой галлерее украшены священными изображениями, сюжетом которых служат события и лица, заимствованные по преимуществу из ветхозаветной и отчасти новозаветной священной истории, а иногда и церковной. Таковы в северной галлерее: Господь Саваоф, шестидневное творение мира, грехопадение прародителей в раю, изгнание Адама и Евы из рая, жертвоприношение Каина и Авеля, построение ковчега, выход Ноя из ковчега, столпотворение вавилонское, история патриарха Иосифа, сон Иакова, Неопалимая Купина, египетская казнь жабами, еврейская пасха, исход евреев из Египта, гибель фараона и его войска в Чермном море, манна небесная, медный змий, источение воды из камня и т. д.; на внутренней же стене северной галлерее изображены —

Покров Пресв. Богородицы и „О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь”. В западной галлерее возобновлены фресковые росписи: страшный суд, лестница св. Иоанна Лествичника; в простенках же и откосах окон вновь изображены пророки, святители и отцы-пустынники, а около входных дверей в собор — ангелы. Кроме того, в северной галлерее, по правую сторону входа в собор, у ног ангела-хранителя имеется следующая надпись древнеславянскою вязью, вырезанная на белом камне, который в 1798 году вынут из стены экономических келий, по приказанию еп. Павла Зернова, и вставлен в эту стену „лѣта зчд (1586) повелѣниемъ благовѣрнаго и боголюбиваго и Великаго Государя Цяря Великаго Князя Ѳедора Ивановича всея Руси Самодержца, и Его Благодетивыя и Христоролюбивыя Царицы Великия Княгини Ирины, втретие лѣто государства Его начаты бысть дѣлати сіи святые врата и оградки ена около сея превеликіа Лавры святыя пребезначальныа Троица Ипацкаго монастыра тщанием и вѣрою боярина Димитрія Ивановича Годунова да боярина конюшево Бориса Ѳедоровича Годунова на память отъ рода вродѣ и по душахъ своихъ и по своихъ родителейхъ ввѣчной поминокъ”.

Двери во внутренних вратах, ведущих из галлерей в собор, как с западной, так и с северной и южной сторон взяты из прежнего полуразрушенного Троицкого храма и замечательны по своей древности (XVI в.), художественности исполнения и иконографическому содержанию украшений. Двери сделаны из железа, обиты латунью и украшены чеканными по сусальному золоту разного рода изображениями и изречениями из свящ. писания и сивилиных книг. Лицевая их сторона с этой целью разделена на несколько рамок, в которых и размещены священные и другие изображения, сделанные сусальным золотом, в подражание византийской инкрустации дверей пластинками золотыми и серебряными.

На западных дверях, в двух верхних рамах изображено Благовещение: в одной раме — архангел Гавриил, а в

другой — Богоматерь; ниже — с одной стороны — пророк Исаия, возвестивший о рождении Спасителя от Девы, а с другой — пророк Иезекииль, изрекший пророчество о затворенных вратах; в следующей раме, с одной стороны, лестница Иакова и Богоматерь, а с другой — купина Моисея. При каждом из этих изображений имеются соответствующие надписи, заимствованные из Библии. Еще ниже изображены философы — Фродитиан и Ермий; в последних двух нижних рамах — Омирос и Менандр. Все эти изображения, как видно из пояснительных к ним надписей, выражают одну общую мысль о явлении на землю Бога во плоти. На северных дверях, в таких же рамах, находятся изображения — вверху св. Троицы и пророка Аввакума с его пророчеством, рядом изображены Рождество Пресв. Богородицы и Гедеон, ниже — пророки Илия и Елисей; еще ниже — Еврипид и Сивилла. На южных дверях, вверху, в двух рамах, изображено дважды Благовещение в различных переводах, с надписями; ниже — прозябший жезл Ааронов, на котором изображено Знамение Богоматери, Аарон и Даниил с их пророчествами; еще ниже — Платон и Аполлон пред костяком, лежащим во гробе, рядом — Валаам с пророчеством о звезде от Иакова; в нижнем ряду, в трех рамах, изображены Сивиллы. Такого рода изображения на дверях Троицкого храма являются редкостными, хотя не составляют исключительной принадлежности его; они встречаются в некоторых древних храмах, особенно московских.

По входе в Троицкий храм, внимание посетителя привлекают настенные фресковые росписи, которыми храм как бы сплошным ковром украшен спустя 34 года после воссоздания его, именно в 1685 году, при архимандрите Ипатиевского монастыря Пафнутии. Фрески Троицкого собора принадлежат к числу лучших произведений московской стенописи XVII века, отражая на себе наиболее типичные черты последней, как в отношении иконографического содержания,

так и стиля, приемов выполнения, а также — распределения их в храме, не без отступлений, однакоже, в частности. Влияние Москвы или, точнее, Московской иконописной школы в данном случае сказалось особенно сильно главным образом потому, что исполнителями фресковых стенописей были Костромские изографы, во главе с Гурием Никитиным, первостатейным жалованным царским иконописцем, работавшим по преимуществу в Москве и принадлежавшим по характеру своих работ к царской школе Симона Ушакова.

По частям храма фресковые живописи распределяются в общих чертах таким образом. В куполе средней большой главы изображены: Господь Саваоф, в юго-восточной главе — Иисус Христос благословляющий, в юго-западной — Господь — Благое Молчание, в северо-западной главе — св. И. Предтеча и в северо-восточной — Знамение Божией Матери. Далее, на плафонах барабанов стенок до парусов в средней, большой главе, находятся изображения архангелов, ниже — патриархов с херувимами между ними, а в малых главах — изображения патриархов и пророков. В парусах, по обыкновению, изображены евангелисты, над арками — явление Аврааму трех странников, Недреманное Око и Благое Молчание; на сводах — двенадцатые праздники. На стенах храма фресками изображены священо-исторические события — вверху ветхого, а внизу — нового заветов; на северной стене храма находятся аллегорические изображения из книги „*Песнь песней*”, числом 5. В алтаре храма, в глубине сводов — средней апсиды — изображение Богоматери по песнословию „О тебе радуется, Благодатная, всякая тварь”..., а под ним восемь изображений святых — Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и др.; в своде северо-восточной апсиды — деисис с младенцем Иисусом Христом в чаше, в своде юго-восточной апсиды — деисис с апостолами кругом, внизу преп. Авраамий и семь святителей, а на противоположной стене апсиды — чудеса свм. Ипатия.

Внутренние столбы Троицкого храма также украшены стенописью. В ряду изображений святых на юго-восточном столбе находятся, между прочим, художественные портретные изображения царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича, во весь рост, в царских одеждах и со скипетрами в руках и притом в нимбах. Появление этих изображений в Троицком храме объясняется, с одной стороны, тем значением, какое имел этот храм, как место избрания Михаила Феодоровича на царство, а с другой, — из воспоминания о воссоздании этого храма царем Алексеем Михайловичем в 1650—1652 годах.

На стенах Троицкого соборного храма, внизу стенописей, имеются две записи о времени исполнения настенной живописи в храме и об исполнителях ее. Первая запись крупною древнеславянскою вязью сделана в виде широкой ленты поверх панели по трем сторонам храма — южной, западной и северной и содержит в себе сведения о том, что церковь сия „изографствомъ подписана” в 1685 году, при державе благоверных великих государей и великих князей Иоанна Алексиевича и Петра Алексиевича всея великия и малыя и белыя России самодержцев, патриархе Московском Иоакиме и архимандрите Ипатиевского монастыря Пахомии с братиею. Вторая запись сделана в клейме на северной стороне храма, вблизи двери, и содержит в себе перечисление имен 18 мастеров, исполнявших стенописи в сем храме.

Кроме указанных выше предметов старинного зодчества и фресковых стенописей, в Троицком соборном храме сохранилось много и других драгоценных памятников древности, особенно в виде св. икон, заслуживающих особенного внимания не только со стороны их происхождения, но и со стороны художественности их исполнения, не говоря о материальной их ценности. Предварительно же указания таких икон, обратим внимание на самый иконостас. Существующий иконостас устроен взамен прежнего в 1756 году, при епископе Костромском Геннадии Андреевском,

в стиле XVII века, по образцу иконостаса, бывшего до пожара в 1773 г. в Костромском городском Успенском соборе. Иконостас величественный — о пяти ярусах, со столбами, капителями и подзорами, с резными тяблами — виноградными ветвями и кистями, а вокруг столбов храма находятся такие же киоты с тумбами. В 1758 году, при преосвященном Дамаскине Аскаронском, новый иконостас был вызолочен на полименте. В главном иконостасе собора находится до 90 икон, всех же икон в Троицком соборном храме до 270, со включением остальных, помещенных в киотах вокруг четырех внутренних столбов храма и в приделах его. Все эти иконы — старинного письма XVI—XVII веков. По ярусам иконостаса иконы распределены таким образом: в нижнем ярусе — св. иконы, так называемые, местные, богато украшенные ризами и венцами из золота, серебра и драгоценных камней; во втором ярусе — праздничные иконы, в третьем — апостольские, в четвертом — пророческие и в пятом ярусе — праотеческие иконы, а наверху иконостаса возвышается св. крест.

В ряду иконных сокровищ обители, без сомнения, первое место занимают святые иконы письма XVI и XVII в.в., которых Ипатьевский монастырь сохранил, по мнению компетентных знатоков старины, больше, чем даже Московский Успенский собор.

К числу наиболее замечательных из этих икон в нижнем ярусе принадлежат следующие. На втором месте по правую сторону царских врат местная храмовая икона Живоначальной Троицы, на липовой доске, богато украшенная золотом, серебром и драгоценными камнями. Из надписи, вычеканенной на золотом окладе иконы, видно, что этот образ „поставлень бысть въ пременитую Лавру святые и Живоначальные Троицы и святаго апостола Филиппа выпатскоу монастырь благоволеніемъ Государя царя (Феодора Иоанновича) и тцанием конюшаго и боярина Димитрея Ивановича Годунова”, в 1593 году, а при державе царя Бориса

Феодоровича Годунова (1600), „обложенъ золотомъ чоканнымъ и жемчугомъ украшенъ” и по местам — драгоценными камнями. К этому образу царем Михаилом Феодоровичем 14 февр. 1616 года приложены три большие золотые медали, по одной медали под каждым ликом Пресв. Троицы, с изображением на них шведского короля Карла IX, с тремя при них четверугольными золотыми дщицами и вычеканенною на них надписью о времени пожертвования медалей. Первоначально этот образ Живоначальной Троицы был написан на кипарисной доске, но по ветхости ее и красок переписан при епископе Дамаскине (1758—1769 г.) на липовую доску и сохранил лишь металлические и другие украшения и между ними — указанные медали Карла IX.

По левую сторону царских врат второе место занимает образ Тихвинской Божией Матери, написанный, по преданию, св. Петром, митрополитом Московским, и особенно чтимый местно, как чудотворный. Он мерой в 5 четвертей, в окладе серебряном, чеканном, золоченом, украшен жемчугом и драгоценными камнями. Для равномерности с прочими местными иконами, вокруг этого образа в 1736 году помещено 15 других небольшого размера икон древнего письма. Икона Тихвинской Божией Матери на осень и зиму переносится в теплый храм Рождества Пресв. Богородицы для поклонения верующих и бывает носима по г. Костроме в так называемых генеральных крестных ходах.

Посреди Троицкого храма, на западной стороне правого столба, находится икона Пресв. Троицы, большого размера, писанная на кипарисной доске. На иконе венцы, поля и свет серебряные, позолоченные, по местам украшены жемчугом и камнями. Из вычеканенной на окладе надписи видно, что этот образ написан и обложен серебром, золотом и драгоценными камнями, и пелена при нем шита золотом и сажена жемчугом при державе Царя Государя и Великого Князя Феодора Ивановича всея Руси, в 8 год его

правления, повелением боярина Дмитрия Ивановича Годунова в 1593 году.

На левом столбе, с южной стороны, имеется в красивой киоте и богатом украшении образ св. Дмитрия Солунского, на кедровой доске, в житии. Из чеканной на серебре надписи видно, что этот образ с чудотворного его образа, принесенного из г. Солуня и находящегося теперь в Московском Успенском соборе, обложен серебром и золотом и украшен камнями и жемчугом при державе Царя Феодора Ивановича, во второе лето его государства, а приложен в Ипатьевский монастырь повелением боярина Дмитрия И. Годунова в 1586 году.

На том же столбе, с западной стороны, находится самая древняя икона, называемая „Воплощение”, на которой изображено бывшее мурзе Чету небесное явление в лице Божией Матери с предвечным Младенцем и с предстоящими в молении св. ап. Филиппом и св. Ипатием, деяния которого изображены в 14-ти клеймах. Икона эта была поновлена в 1605 году архимандритом Иаковом и в 1813 году — Костромским купцом Д. Солодовниковым.

Образ св. Иоанна Предтечи, пожертвованный Д. И. Годуновым. На этой иконе св. Иоанн Предтеча представлен с крыльями, с чашей в руках, в которой изображен Агнец Божий, а у Предтечи в левой руке — свиток со словами: „Аз видех и свидетельствовах: се Агнец Божий возьмляй грех всего мира; покайтесь, приближи бо ся царствие небесное”. Над главою И. Предтечи изображен Иисус Христос, а на полях иконы, в двенадцати клеймах, события жизни св. И. Предтечи.

Вблизи южных алтарных дверей, позади правого клироса, имеется драгоценный (12 т. руб.), превосходной работы русского художника Сиверса, мозаический образ святителя Николая Чудотворца. Этот образ является выражением патриотических чувств Черниговского дворянства, которое через особую депутацию, по случаю исполнившегося 25-летия благо-

получного царствования Императора Николая I, принесло его 28 июля 1856 года в дар Ипатьевскому монастырю, из коего вышел на царство родоначальник Дома Романовых. Таким образом икона эта заслуживает внимания если не по древности, то по патриотическому чувству, которым было вызвано ее пожертвование монастырю, по художественности ее исполнения и материальной ценности.

Также обращает на себя внимание образ св. Иоанна Богослова древний, с серебряным венцом и басменным окладом, равно и другие малого формата иконы, прекрасной греческой иконописи, относящиеся по своему происхождению к XVI и XVII в.в. и находящиеся в самом соборе или его приделах и ризнице.

Среди многих святынь Троицкого соборного храма, без сомнения, первое место занимает небольшая часть ризы Господней, присланная в Ипатьевский монастырь в 1626 г. патриархом Филаретом, отцом царя Михаила Феодоровича. Эта святыня вместе с частями ризы и пояса Богоматери, креста и гроба Господня и частицами мощей св. угодников Божиих (14) хранится в особом ковчеге, вделанном в медную круглую доску, с сияниями медными же отзолоченными. На доске оклад серебряный, чеканный, золоченый, за стеклом во всю доску. По надписи на окладе, ковчег устроен тщанием и радением архимандрита Тихона с братиею в 14 день сент. 1718 года.

Далее, замечательны два большие сударя в золоченых рамах, за стеклами, на которых по красной камке вышиты золотом, серебром и разными шелками Живоначальная Троица и Отечество в силах; приложены в 1622 и 1626 годах женою Ивана Ивановича Годунова Ириною Никитичною.

У правого клироса Троицкого собора находится хоругвь, на которой по червчатой камке вышиты золотом и серебром, с одной стороны, образ Живоначальной Троицы, а с другой, — свв. Алексия Божия человека, Алексия митрополита

и Феодора Стратилата с словами: вклад Государя Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича всея великия и малыя России Самодержца. Другая такая же хоругвь находится у противоположной колонны, с изображениями свв. Дмитрия Солунского, муч. Ипатия и ап. Филиппа.

В Троицком соборе также заслуживает внимания паникадило литое, пожертвованное, как видно из надписи на нем, в 1659 году И. И. Щетневым. Устроенный и украшенный таким образом фресками и иконами, Троицкий соборный храм, однакоже, по разным обстоятельствам не избег впоследствии некоторых, хотя и незначительных, изменений в том или другом отношении.

Так, в 1708 году, во время сильного весеннего разлива рек Костромы и Волги, вода проникла в подвалы собора, вследствие чего, от неравномерной осадки главных стен собора и галлерей его, в стенах последнего образовались многие и значительные трещины. По донесению же архимандрита Гавриила Бужинского Св. Синоду от 22 апр. 1721 года, „соборная церковь от воды расселася на двое”, и все каменное здание подалось в Кострому реку. Эти повреждения в стенах впоследствии не раз были заделываемы, но они вскоре вновь выступали до последней заделки в 1912 г.

В 1803 году, при преосвященном Евгении, на Троицком соборном храме вместо существовавших прежде громадных глав устроены из белого железа главы меньших размеров. В 1811 году в соборе устроен чугунный пол; по разборке же его в 1911—1912 г.г., оказался под слоем песка другой древнейший пол, сделанный из больших терракотовых квадратных плит по 11 вершков в длину и ширину и 1¹/₂ в. в толщину, уложенных в виде шахмат.

В 1835 году, 16 мая, во время бывшей в г. Костроме сильной грозы, Ипатиевский монастырь, как расположенный на открытом месте, потерпел многие и большие повреждения. Так, на Троицком соборном храме сильным ураганом были сорваны большая и северо-восточная главы и

через архиерейский корпус переброшены одна в реку Кострому, а другая — в монастырский сад. Остальные главы, хотя устояли, но все-таки были сдвинуты с своих мест, а у юго-восточной главы была разрушена даже часть каменной кладки, и массой кирпича пробита железная крыша на храме.

Но вскоре, в силу Высочайшего повеления, при материальном вспомоществовании от казны, последовало полное обновление монастыря, при чем в 1840 году были устроены на Троицком соборе пять глав, больших, сравнительно с прежними, размеров, а в 1842 году, кроме того, — одна глава над храмом во имя преп. Михаила Малеина и над храмом во имя прав. Лазаря, по железным стропилам из английской жести; яблоки и кресты на всех главах были вызолочены чрез огонь червонным золотом. Тогда же возобновлена наружная живопись на храме.

Последний капитальный ремонт Троицкого соборного храма произведен в 1911—1912 годах по случаю трехсотлетнего юбилея избрания на царство Михаила Феодоровича Романова. На отпущенные с этою целию из Государственного Казначейства 97536 руб. 42 коп. тщательно исправлен фундамент собора с облицовкою его вновь белым камнем, заделаны трещины в стенах и сводах собора, главы на соборе вновь вызолочены червонным золотом, устроен новый плиточный пол, исправлена стенопись на наружных стенах храма с окраскою последних, а также реставрированы иконы и фресковая живопись на внутренних стенах и паперти собора и пр.

3) ПРИДЕЛ ВО ИМЯ ПРЕПОДОБНОГО МИХАИЛА МАЛЕИНА.

Приделы Троицкого соборного храма. Первоначальное устройство придела во имя св. Михаила Малеина и последующие перемены в нем. Наиболее замечательные иконы и др. предметы старины в приделе.

При Троицком соборном храме до последнего времени были два боковых придела: один в северной галлерее собора, в честь Смоленско-Шуйской иконы Божией Матери,

а другой — в южной, во имя преподобного Михаила Малеина. Прежде в предолтарии Троицкого собора был еще придел во имя священномученика Ипатия, который упразднен 22 ноября 1862 года, с устройством в архиерейском доме малой крестовой церкви во имя этого святого. Из вышеназванных первых двух приделов придел в честь Смоленско-Шуйской иконы Божией Матери, помещавшийся с 1879 года в северной галлерее собора, в 1912 году перенесен в так называемую „зеленую” башню, а северная галлерей собора таким образом получила свое первоначальное назначение.

Придел во имя преподобного Михаила Малеина весьма незначителен по своим размерам, так как большая часть южной галлерей собора, в которой он находится, обращена в ризничную палату, и сравнительно более прост по внутренней своей отделке и украшению, чем другие части Троицкого соборного храма, украшенные фресковой настенной живописью.

Придел во имя преподобного Михаила Малеина устроен по просьбе архимандрита Ипатиевского монастыря Кирилла с братиею и соизволению царя Михаила Феодоровича вскоре по вступлении его на престол. Св. иконы в иконостасе и алтаре придела все писаны были на золоте и украшены серебряными вызолоченными венцами и жемчугом. В 1649 г. этот придел сильно пострадал от взрыва пороха под соборным храмом. Но уже в следующем 1650 году, по грамоте царя Алексея Михайловича от 25 марта того же года на имя архимандрита Ипатиевского монастыря Гермогена, он, по прежнему, был устроен с „великим благолепием”.

В последующие времена придел во имя преп. Михаила Малеина не подвергался каким либо существенно важным переменам, за исключением разве настила чугунного пола в 1811 году и устройства в части занимаемой им галлерей ризничной палаты. В 1912 году, во время капитального ремонта Троицкого соборного храма, иконостас в этом

приделе тщательно исправлен, позолота очищена, стены вновь покрашены и настлан новый плиточный пол в стиле прежних времен.

В приделе во имя преп. Михаила Малеина обращают на себя внимание посетителя: а) копия с чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, с резной кипарисной панагией, цатой и оглавием, сплошь унизанным крупным жемчугом. Этою иконою, по преданию, инокиня Марфа Ивановна благословила своего сына Михаила Феодоровича на царство; б) образ Успения Божией Матери с серебряным басемным окладом, дар Ив. М. Годунова 1567 года; в) образ Живоначальной Троицы, принесенный в дар Ипатиевскому монастырю боярином Дмитрием И. Годуновым в 1586 г. и хранящийся в ризничной палате. Образ этот имеет оклад серебряный, басемной работы, а венцы и цаты чеканной работы, украшенные жемчугом. В запрестольном иконостасе и на стенах в алтаре придела имеется много и других старинных небольших икон.

4) ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ ПРАВЕДНОГО ЛАЗАРЯ.

Местоположение и устройство храма. Гробницы, находящиеся в нем.

В подвальном помещении Троицкого соборного храма, под южной галлереей его или точнее — под приделом препод. Михаила Малеина и ризницей находится храм во имя праведного Лазаря. До устройства этого храма здесь находилась кладовая с сенями. Главный вход в этот храм устроен со стороны монастырского кладбища; но можно в него пройти и чрез сохранившуюся доселе под западной галлереей собора усыпальницу Годуновых.

Храм во имя прав. Лазаря весьма небольшой, с низкими сводчатыми потолками. Он устроен в 1768 году епископом Дамаскином и имел назначение служить усыпальницею для Костромских архипастырей. Небольшой иконостас Лазаревской церкви первоначально был деревянный; иконы

также были написаны на дереве; деревянный был и пол. Вследствие старости как иконостас, так и пол в храме очень скоро попортились, и богослужение в нем сделалось невозможным. С 1800 года храм этот оставался без священнослужения; оно возобновилось по освящении храма 19 октября 1822 года. К этому времени деревянный иконостас в нем был заменен каменным, а пол выстлан кирпичом и отчасти белым камнем, при чем иконостасом послужила каменная стена храма, отделяющая алтарь от церкви, с арками для царских и северных дверей. На этой стене были написаны местные иконы Спасителя и Казанской Божией Матери, окаймленные алебастровыми наличниками.

В 1888 году устроен в этом храме взамен каменного металлический чугунный иконостас.

В храме во имя прав. Лазаря находятся гробницы Костромских архипастырей: еп. Дамаскина, основателя храма, сконч. 16 июня 1769 года; еп. Виталия, сконч. 29 янв. 1846 г. и еп. Александра, сконч. 16 дек. 1888 года.

5) УСЫПАЛЬНИЦЫ БОЯР ГОДУНОВЫХ.

Происхождение усыпальниц и устройство. Размер сохранившейся усыпальницы под западной галлереей Троицкого собора. Надписи на надгробных плитах.

Потомки основателя обители, князя Четы, в св. крещении Захарии, видные вельможи XIV—XVI веков, с фамилиями Сабуровых, Пешковых, Шеиных, Вельяминовых, особенно же бояре Годуновы, подобно своему родоначальнику, в большинстве были люди весьма набожные и не только старались выразить свою любовь к основанной им св. обители, делая в нее нередко весьма ценные вклады и всячески содействуя ее благоустройству и обогащению, а некоторые даже доживали в этой обители последние дни своей жизни, принявши на себя обеты иночества. Многие из бояр Годуновых не желали и по смерти расстаться с родною обителию, почему делали завещания о своем погребении в ней. Плодом такого стремления их явились довольно обширные каменные усыпаль-

ницы, долгое время существовавшие под Троицким и Богородицким храмами и отчасти сохранившиеся до наших дней.

В древние времена существовали три Годуновских усыпальницы, из коих две (одна при 22 могилах, а другая при 16) находились подле алтаря Богородицкой церкви, с восточной и южной сторон ее, а одна усыпальница (при 14-ти могилах) была под папертью Троицкого собора.

В большей усыпальнице, с южной стороны Богородицкой церкви, погребены основатель Ипатиевской обители Захария, его сын и ближайшие его потомки, между которыми отец и мать Бориса Фед. Годунова. Отсюда же начало устройства усыпальниц нужно отнести к первым временам существования монастыря, а именно — к концу первой или началу второй половины XIV столетия. Устроенные при соборных храмах, усыпальницы в течение нескольких столетий оставались неприкосновенными, но донныне сохранилась лишь одна из них, которая находится под папертью Троицкого собора. Что касается остальных двух усыпальниц, что были при Богородицкой церкви, то в виду перестройки последней, они, как препятствовавшие расширению храма, по распоряжению преосвященного Геннадия Андреевского (1753—1757), упразднены, при чем могилы были перекопаны и обращены под основание храма, а кости из могил были переложены в одну общую могилу под Троицким собором.

Таким образом из трех усыпальниц сохранилась только одна меньшая, в которой почил вельможа из позднейшего рода Никиты и Петра Васильевичей Годуновых. От тех же двух усыпальниц остались лишь две каменных колоды, из коих, судя по их размерам, одна служила гробом для большого покойника, а другая — для младенца. Колоды эти, неизвестно из каких годуновских могил, извлечены при производстве земляных работ во время последней перестройки Богородицкой церкви в 1864 году — они находятся в усыпальнице, под папертью Троицкого собора.

Судя по сохранившейся усыпальнице Годуновых, по усыпальницам под Костромским Богоявленским монастырским храмом и другим подобным памятникам, также по старинным описаниям Ипатиевского монастыря, можно составить довольно определенное представление о такого рода сооружениях. Это не были обыкновенные склепы для покойников, а скорее подвальные храмы, со многими св. иконами, имели продолговатую форму, невысокие своды и узкие окна с железными в последних решетками. Так, уцелевшая под папертью Троицкого собора усыпальница Годуновых имеет в ширину 2,19 саж., в длину 9,10 саж. и в высоту 1,34 сажени.

Могилы в усыпальнице расположены в ряд, с небольшими промежутками между ними. Каждая могила была прикрыта каменною плитою, положенною на кирпичном основании, с вырезанным или высеченным на ней крестом и небольшою эпитафией или только краткими сведениями о почившем. На сохранившихся доселе годуновских могилах в третьей усыпальнице на надгробных плитах имеются такого рода надписи (в новом правописании): а) „Лета 1561 месяца ноября в 1 день на память св. чудотворец и безсребренник Косьмы и Дамиана преставися раб Божий Василий Осипович Годунов“; б) „Лета 1622 февраля в 10 день на память св. мученика Харлампия преставися раб Божий (околь)ничей Ники(та) Годунов (во ино)цех Нифонт“; в) „Лета 1575 марта в 8 день погребен Тимофей Дмитриевич Годунов“; г) „В сем гробе положен схимонах Иосиф, преставися лета 1607 октября 2 дня“.

Годуновские могилы в прежние времена имели дорогие бархатные покровы, шитые золотом и украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Покровы присылались или лично доставлялись в монастырь родственниками умерших иногда по несколько покровов одновременно. В ризнице Ипатиевского монастыря сохранились два таких покрыва от 1592 г., работы царицы Ирины Феодоровны, находившиеся над моги-

лами ее отца Феодора Ивановича и брата Василия Феодоровича Годуновых.

В сохранившейся годуновской усыпальнице пред поставленными у восточной стены резным распятием Иисуса Христа и старыми иконами еженедельно, по пятницам, после божественной литургии, совершается панихида с возглашением имен почивших благодетелей Ипатьевского монастыря.

6) ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА ПРЕСВ. БОГОРОДИЦЫ.

Время построения церкви и последующая судьба ее. Внешнее и внутреннее устройство церкви. Бывшая в подклетьях Р.-Богородицкого храма церковь в честь Смоленско-Шуйской иконы Божией Матери.

На юго-запад от Троицкого собора и в связи с ним находится каменный пятиглавый теплый храм в честь Рождества Пресв. Богородицы. Он перестроен в последний раз в 1859—1864 годах из прежде бывшего на том месте того же имени храма, устроенного еще в 1760—1764 годах вместо прежнего маловместительного и обветшавшего трапезного храма.

Рождество-Богородицкий храм в истории монастыря упоминается в первый раз под 1564 годом, почему можно думать, что он около этого времени и основан. Храм этот был каменный и построен в непосредственной связи с восьмисаженною трапезною палатой, основанной около 1559 года и находившейся от него на запад, почему и самый храм назывался трапезным храмом. Как таковой, храм Богородицкий имел первоначально весьма небольшие размеры.

При епископе Дамаскине Аскаронском (1758—1769) Рождество-Богородицкий храм за ветхостию был разобран и на месте его построен *) каменный того же имени, теплый,

---

*) Одновременно с постройкою храма, бывшие при нем — трапезная комната, хлебопекарня, просфорная и другие помещения за ветхостию были разобраны и построены новые каменные палаты в один этаж, но на высоких, как и храм, подклетьях, с употреблением на это 1409 руб. 25 коп., кроме материала, добытого при разборке стен трапезной палаты и других построек.

но более вместительный, размерами в длину 16 и ширину 6 сажень, с накатным потолком и пятью деревянными главами. В красиво устроенном иконостасе этого храма, а также за клиросами и на стенах были, между прочим, иконы древнего письма и в довольно богатом украшении, которые ныне находятся в Троицком соборном храме. Стены в алтаре храма были украшены лепными клеймами и расписаны лучшим письмом.

Лет 40 спустя после постройки Богородицкого храма, деревянные главы на нем и накатные потолки сгнили и грозили падением, почему в 1801 году, по распоряжению епископа Евгения Романова, вместо пяти глав на церкви, была устроена одна, а для поддержки накатных потолков были поставлены десять деревянных столбов, которые в 1820 году, при преосвященном Самуиле, заменены каменными колоннами, отшлифованными под желтоватый мрамор. В 1813 году пол в этом храме был выстлан чугунными плитами на пожертвования богомольцев.

В паперти Рождество-Богородицкого храма устроен придел во имя св. И. Златоуста в 1810 году, после упразднения каменного храма во имя этого святого при больничных кельях в „новом городе”. Придел был благолепно украшен, благодаря усердию костромских граждан и особенно купца В. Стригалева, и освящен преосвященным Евгением 11 декабря того же года.

По Высочайше утвержденному в мае 1859 года проекту, Рождество-Богородицкий одноглавный храм был в том же году разобран, и в течение последующих 1860—1864 г.г. на ассигнованные для того из казны 37 тысяч рублей построен по новому плану и фасаду новый храм того же имени, с пятью осьмигранными главами и медными вызолоченными крестами, только несколько меньших размеров, а именно 11 1/2 X 8 сажень, при 17 сажнях высоты. В храм этот ведут с северной и западной сторон два широких открытых крыльца, с чугунной и каменной лестницами. Из этого

храма имеется сообщение с Троицким соборным храмом чрез паперть последнего с южной стороны.

Стены и своды Рождество-Богородицкого храма изнутри обложены искусственным мрамором на четыре тысячи рублей, полученных, в виде прибыли, от новоустроенного при монастыре стараниями архиеп. Платона свечного завода. Иконостас в храме прекрасно вызолочен и снабжен иконами греческого стиля, работы мастерской палеховского иконописца Сафонова, и лампадами на опущенные для этого из казны 8000 рублей. Освящение храма было торжественно совершено архиепископом Платоном 2 февраля 1864 года.

С южной стороны храма имеется придел во имя трех святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого.

В подклетьях Рождество-Богородицкого храма, которые во время постройки его остались без определенного назначения, вскоре после освящения, вдова полковника Н. С. Зинович устроила на свои средства церковь в честь честной иконы Божией Матери Смоленско-Шуйской на том приблизительно самом месте, где были первые две усыпальницы бояр Годуновых, упраздненные в 1756 году еп. Геннадием. Этот подвальный храм упразднен в 1879 году, с устройством в Троицком соборе придела в честь Смоленско-Шуйской иконы Божией Матери, перенесенного ныне в „зеленую” башню.

7) МОНАСТЫРСКАЯ КОЛОКОЛЬНЯ.

Первоначальное устройство колокольни и последующие перемены. Старинные колокола на ней.

Прямо от северных монастырских ворот, параллельно паперти Троицкого собора, в 6 саженьях от нее и в 2 саженьях от Рождество-Богородицкой церкви находится монастырская колокольня, которая своей оригинальной для настоящего времени архитектурной формой не может не возбудить интереса в посетителе и не вызвать в нем желания познакомиться с ее прошлым.

Нынешняя монастырская колокольня существует уже более 300 лет. Но это не та звонница, которая была построена Захариею Четом при основании Ипатиевского монастыря и которая была первоначально деревянная, а потом уже, быть может, самим Четом или его потомками заменена каменною. Звонница, построенная Четом, находилась на юго-западе от прежней Богородицкой церкви, над каменными двухэтажными келарскими и братскими кельями. В 1763—1764 годах она вместе с указанными кельями преосвященным Дамаскиным была перестроена, а в 1821 году, вследствие оказавшихся в ней расселин, вместе с кельями была разобрана, а годный материал употреблен на строившийся тогда архиерейский дом.

Существующая ныне колокольня построена в 1603 году вблизи прежде бывшей над келарскими кельями звонницы на средства Д. И. Годунова и имеет в длину 11 саж., в ширину $3\frac{1}{2}$ саж. и в высоту 17 саж. и $1\frac{1}{2}$ арш. Построена она по образцу соборной колокольни г. Ростова Ярославского, только меньших сравнительно размеров, в виде галереи, с тремя сводами, из которых под нижними двумя находятся разные кладовые помещения, а под самым верхним, в четырех сводчатых пролетах (слухах), находящихся в параллельных стенах, помещены колокола. Над северным бóльшим из пролетов, имеющим вид четырехугольной башни и возвышающимся над остальными частями здания, сделан высокий шатровый каменный верх, впоследствии увеличенный в высоту и покрытый жестию. В этой башне доселе сохранились некоторые части механизма старинных боевых часов, отличавшихся оригинальным устройством и принадлежавших, по-видимому, к тому типу часов, что на Новгородской Евфимиевской башне. Судя по надписи на сохранившемся от этих часов боевом колоколе, необходимо думать, что они устроены в 1659 году на средства Д. И. Годунова.

С западной стороны к колокольне приделана каменная

терраса, крытая железом, на которую с земли устроена каменная же лестница с железными перилами.

Преосвященный Дамаскин (1758—1769) предполагал было совсем разобрать эту колокольню в виду ее ветхости и вместо нее построить новую и с этою целию ходатайствовал пред Государственною Коллегиею Экономии о назначении для указанной нужды девяти тысяч рублей. Но его преемник, епископ Симон Лагов нашел возможным в данном случае ограничиться лишь небольшими исправлениями на монастырские средства (400 р.), что и исполнил, не прибегая к ломке здания, причем верх колокольни покрыл зеленою черепицею, главу построил каменную и покрыл ее белым железом. В это время число колоколов на колокольне было 18 и, кроме того, особый колокол при боевых часах. При этом нелишне заметить, что в 1699—1700 годах значительная часть монастырских колоколов вместе с медными котлами, ружьями и пищалями, по распоряжению правительства, была отправлена в Москву для ратного дела. В таком виде находилась колокольня до соединения ее каменными переходами в 1877 году с соборами Рождественским и Троицким, а чрез последний и архиерейским домом, обращенным к р. Костроме.

В 1852 году при преосвященном Леониде Зарецком конусообразный верх башни на колокольне сделан выше прежнего и покрыт белой жестию в коробку, с вызолоченными чрез огонь яблоком и высоким крестом.

В 1908 году был произведен ремонт колокольни, при чем возобновлена на шатровой башне наружная роспись с трех сторон — восточной, северной и западной в клеймах по шести поясам.

Но, в виду быстрой порчи этой стенописи, а главное — по причине несоответствия ее наружной отделке Троицкого соборного храма, при реставрации Ипатьевского монастыря в 1912 г., признано необходимым возвратить колокольне ее первоначальный вид.

Ныне на монастырской звоннице имеется 10 колоколов. Из старинных колоколов сохранились: а) самый большой колокол, весом в 600 пудов. Этот колокол, как видно из надписи на нем, вылит 20 сентября 1648 года „при державѣ царствія Россійскаго благовѣрнаго Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Руси Самодержца, и по его царскому указу и по грамотѣ въ домъ Живоначальной Троицы Выпатскоі монастырь апостола Філіппа і чудотворца Іпатія”, по стольнике Алексие Никитиче Годунове с тем, чтобы дядя его боярин Василий Иванович Стрешнев вотчину того Алексия Годунова — село Семеновское продал в Ипатьевский монастырь, а последний в платеж за эту вотчину на свои средства отлил этот колокол. Можно полагать, что настоящий колокол перелит из прежнего, тоже в 600 пудов, колокола, пожертвованного в монастырь матерью Бориса Феодоровича Стефанидой Ивановной Годуновой, в иночестве Сандулией. Второй по величине колокол, слитый первоначально весом в 172 пуда „при державѣ Царя и Великаго Князя Бориса Феодоровича всея Русіи Самодержца” (1603 г.), как значится в надписи на нем, „по приказу Ивана Ивановича Годунова по отце государе своем по Иване Васильевиче иноке скимнике Иосифе вдом Живоначальной Троицы и великаго чудотворца Ипатія. После давно случившейся трещины перелит в 1894 году в царствование Благочестивейшего Самодержавнейшего Великаго Государя Императора Николая Александровича всея России при преосвященнейшем епископе Виссарионе”, с увеличением веса до 208 пудов 2 фун. Третий колокол в 104 пуд. 25 фун. перелит в 1812 году „по благословению и усердию преосвященнаго Сергія, епископа и кавалера”. Четвертый, что от боевых часов, в 68 пуд., „дача боярина и конюшего Д. И. Годунова”, как видно из надписи на нем, перелит в 1 день августа 1659 года „при державѣ Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и при архимандрите Тихоне збратъею”. Пятый колокол в 36 и шестой в 26 пуд.

перелиты тоже при ц. Алексие Михайловиче. На остальных колоколах нет дат относительно времени их происхождения.

При ремонте в 1912 году шатровый верх колокольни вместо железа покрыт зеленой черепицей, и открытием некоторых окон и арки по возможности восстановлен прежний вид колокольни, значительно измененный разными позднейшими переделками этого здания и пристройкою к нему.

8) ЦЕРКВИ ВО ИМЯ СВВ. ХРИСАНФА И ДАРИИ И СВМ. ИПАТИЯ И АП. ФИЛИППА.

Построение церкви во имя свв. Хрисанфа и Дарии. Падение сводов и возобновление постройки. Размеры храма и внутреннее устройство. Малая крестовая церковь.

Государь Император Николай Павлович в своих заботах о благоустройстве Ипатьевского монастыря, как важного исторического памятника, в июне 1835 г. Высочайше повелеть соизволил привести его в должный вид, вполне отвечающий его назначению. С этою целию повелено было перестроить и обновить обветшавшие монастырские здания, а на месте прежних святых и водяных въезжих ворот и бывших на них церквей во имя свв. Феодора Стратилата и Ирины и др. устроить в середине восточного фаса архиерейского дома новую церковь во имя свв. Хрисанфа и Дарии, память которых празднуется церковию 19 марта, с одной стороны, в ознаменование выезда в этот день 1613 года Царя Михаила Феодоровича в Москву на спасение и умиротворение России, а с другой — в память вступления в этот же день Императора Александра I в Париж в 1814 году для умиротворения Европы, потрясенной властолюбием Наполеона.

Начатая 25 июня 1840 года, в день рождения Государя Императора Николая I, каменная кладка храма во имя свв. Хрисанфа и Дарии была окончена к октябрю того же года. Фасад нового храма вполне соответствовал фасаду так называемой „зеленой” башни, устроенной в „новом городе”.

На четырехугольной каменной кладке и многоугольнике был устроен конусообразный восьмигранный верх, увенчанный вызолоченным чрез огонь крестом на таком же яблоке. Но уже чрез год, именно 2 августа 1841 года своды храма обрушились по причине весьма поспешного построения стен и сводов, при том при самой неблагоприятной для каменной кладки дождливой погоде, во второй половине сентября.

В 1854 году, по указу Св. Синода от 25 марта, была возобновлена постройка этого храма на новом фундаменте, а в августе 1858 года окончена. В следующем 1859 году, 10 мая, новопостроенный храм был торжественно освящен епископом Платоном. Но недолго в новосозданном храме продолжалось богослужение: с наступлением осеннего времени, на стенах храма появилась большая сырость, и богослужение в нем опять было прекращено. Оно возобновилось уже в 1867 году, когда в подвальном этаже храма, вместо обыкновенных духовых печей, была устроена одна воздухонагревательная печь, а также приняты меры к устранению сырости стен. Обновление храма было совершено 15 апреля, в великую субботу, преосвященным еп. Платоном.

Ход в церковь свв. Хрисанфа и Дарии общий со входом и в покои викарного епископа, именно — из-под высокой арки, на которой церковь устроена.

Храм этот по размерам весьма небольшой, но хорошо отделанный. Стены его украшены живописью в византийском стиле. В самом куполе храма находится изображение новозаветной Троицы, а на стенах — изображения некоторых из двенадцатых праздников и разных святых.

Иконостас в храме свв. Хрисанфа и Дарии трехъярусный. Все иконы в нем нового письма, кроме иконы Живоначальной Троицы в алтаре, за престолом, из числа пожертвованных в Ипатиевский монастырь боярином Д. И. Годуновым. Икона эта имеет в высоту 2 арш. 1¹/₂ вер. и в ширину 1 арш. 9 вер.; писана на кедровой доске. Из надписи, вычеканенной

на серебряной дщице, видно, что эта икона писана, обложена серебром и золотом и украшена драгоценными камнями при державе царя Феодора Ивановича и поставлена в преименитую Лавру св. Троицы, в Ипатиевский монастырь, повелением боярина Д. И. Годунова в 1586 году.

К этой церкви с северной стороны непосредственно примыкает малая крестовая церковь во имя свм. Ипатия и ап. Филиппа. Эта последняя церковь устроена в 1875 году в одном из покоев епархиального архиерея. Она имеет плоский потолок и обставлена вообще весьма просто. Иконостас в церкви состоит из одного ряда местных икон новейшего письма, без риз и других каких либо украшений. С правой стороны царских врат находятся изображения Господа благословляющего, св. Троицы и свм. Ипатия, а с левой — образ Скорбящей Божией Матери, Похвалы Пресвят. Богородицы с ап. Филиппом и свм. Ипатием и образ святителя Николая Чудотворца.

9) ЦЕРКОВЬ В ЧЕСТЬ СМОЛЕНСКО-ШУЙСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ.

Новоизбранный царь Михаил Феодорович Романов, отправляясь 19 марта 1613 года в Москву на царство, шел из Ипатиевского монастыря пешком, в сопровождении крестного хода, до того места, где ныне находится так называемая Зеленая башня. В память этого события, по преданию, и построена поименованная башня, а путь, ведущей к ней из монастыря, получил название „исторического пути”.

Зеленая башня, послужившая образцом для построения церкви свв. Хрисанфа и Дарии, снизу, до высоты прилегающих монастырских стен, представляет собою четверугольник, на котором устроен многоугольник с конусообразным восьмигранным верхом, покрытым зеленой черепицей и увенчанном вызолоченным через огонь крестом на таком же яблоке. В нижней части башни находятся прежние выездные монастырские ворота, а над ними — иконы с

изображением св. Троицы с предстоящими Богородицею и Иоан. Предтечею и молящимися — преподобным Михаилом Малеевым и священномучеником Ипатием. Под иконой имеется сделанная старинною вязью надпись, из которой видно, что ограда, окружающая „новый город”, сделана в 1642—1643 годах, по повелению царя Михаила Феодоровича Романова, при архимандрите Авраамии, трудами и тщанием строителя Иосифа „воспасение иночествующимъ и всохранение христоименитымъ людемъ”.

Церковь в честь Смоленско-Шуйской иконы Божией Матери первоначально помещалась в подклетьях теплого Рождество-Богородицкого храма, но в 1879 году, вследствие сырости, она была перенесена в северную галерею Троицкого собора, откуда в свою очередь, в виду необходимости возвратить этой галерее ее первоначальное назначение, в 1912 году она перенесена в Зеленую башню.

Устроенная в Зеленой башне церковь в честь Смоленско-Шуйской иконы Божией Матери имеет размеры весьма небольшие и довольно простую обстановку. Пол в церкви деревянный, стены лишь покрашены, без всяких украшений; иконостас старый, что был в северной галерее Троицкого собора.

Из икон этой церкви заслуживают внимания: а) образ Успения Божией Матери. Икона эта древняя, с изображением на ней, вокруг Успения, в особых клеймах, главных событий из жизни Богородицы. На подложенной при иконе зеленой тафте имеется надпись: „И. М. Годуновъ сей образъ приложилъ по своей матери Параскевѣ 1567 года”; б) образ Смоленской иконы Божией Матери, в) св. Николай Чудотворца и г) запрестольная на горнем месте Феодоровская икона Божией Матери.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ризница Ипатьевского монастыря.

Общее значение церковно-исторических древностей в ризнице Ипатьевского монастыря. Кресты на престольные и не-на престольные. Богослужебные сосуды и другие церковные предметы и принадлежности. Св. иконы и складни. Памятники древне-русского шитья — воздухи, пелены, плащаницы, священные одежды. Рукописные богослужебные книги.

РИЗНИЦА монастыря с давних времен устроена в южной стороне Троицкого соборного храма против небольшого придела во имя преп. Михаила Малеина и представляет собой как бы продолжение его к западу — в виде особой комнатки, отделенной от придела каменной стеною с дверью по середине. Ризница малопоместительная, в длину около 4 сажень, а в ширину $2\frac{1}{2}$ сажени, при высоте в 3 сажени; обычный вход в это помещение — чрез паперть западной галлерей соборного храма; сверх этого, существует особый проход сюда из алтаря Рождество-Богородицкой церкви, прилегающей к этому храму. Ныне ризница монастыря назначена для склада и хранения употребляемых при богослужении принадлежностей, — все же ранее расположенное в ней помещается с 1913 года в приспособленных для того Палатах царя Михаила Феодоровича, поступивших в ведение монастырского Начальства.

В ризнице Ипатьевского монастыря заключается такое богатое собрание разнообразных древностей церковных, какое можно встретить лишь в очень немногих старинных монастырях России. Из предметов церковной старины здесь одни замечательны по художественным достоинствам древнерусской техники и вместе по высокой ценности и качеству самых материалов (золота, серебра, жемчуга, бархата, парчи и пр.), другие же достопримечательны по соединенным с

ними историческим воспоминаниям. Следует при этом иметь в виду то, что вещественные памятники из хранящихся в этой ризнице, имеют интерес не исключительно местный: весьма многие из них, составляя собою вклады именитых лиц вообще, вышли непосредственно из г. Москвы, как центра просвещения и искусства, и потому они собою дополняют количество тех наличных данных, на которых созидается общая история древне-русского искусства. В состав ризницы монастыря входят следующие предметы: 1) кресты напрестольные; 2) богослужебные сосуды и другие церковные предметы и принадлежности; 3) св. иконы-складни и вообще образа; 4) памятники древне-русского шитья, как-то: воздухи, пелены, плащаницы, священ. одежды и 5) рукописные богослужебные книги, как то: Евангелия, Псалтири и др.

1. Из множества крестов в ризнице обращают на себя внимание напрестольные кресты серебряные XVI—XVII веков. Крест в $8\frac{1}{2}$ вершков высоты, $3\frac{1}{2}$ вершка в поперечнике, сребропозолоченный, украшен филигранью и жемчугом, имеет в себе частицы мощей разных святых. На обратной стороне креста сделана следующая резная летопись: „дѣлан сей святой и животворящій крестъ вдомъ святыя и живоначальныя Троицы вЫпатіевъ монастырь при державѣ благовѣрнаго и христілюбиваго царя и государя великаго князя Ивана Василіевича всея Рюсіи самодержца и при его благородныхъ чадѣхъ при царевиче Иване и Ѳеодоре и при Макаріе митрополіте всея Рюсіи лѣта семь тысячъ семьдесятъ перваго (1563 г.) сентября положилъ сей крестъ живоначальныя Троицы вЫпатіевъ монастырь грѣшный ігуменъ Васіанъ”. — Крест — в $7\frac{1}{2}$ верш, высоты и $3\frac{1}{2}$ верш. в поперечнике, серебряный вызолоченный; на верхней доске чеканной — Распятие Спасителя с предстоящими, в возгавии два ангела; внутри креста вложен серебряный же золоченый крест с мощами святых, при чем в числе их обозначены резными надписями „пена Чермнаго моря”, „неопалимая купина” (часть несгораемаго куста, явленнаго Моисею), часть

чудодейственного жезла Моисеева и др. На нижней доске креста резная надпись: „лѣта 7102 (1594) при государе и великомъ князе Ѳеодоре Ивановиче всеа Русіи і при его царице і великой княгине Ирине і при ихъ дщери царевне Ѳедосьи далъ сій крестъ съ мощми вдомъ святыя и живоначальныя Троицы въІпатьцкой монастырь бояринъ Дмитрей Ивановичъ Годуновъ по своей душе и по своихъ родителейхъ въ вѣчный поминокъ”. — Два креста серебряныхъ вызолоченныхъ, с частицами мощей, с резной надписью: „195 (1687) году сии честныи и животворящіи крест построень костромского уѣзда въ Колесниковскую пустынь въ воспоминаніе вѣчныхъ благъ”; из крестов один в 10 в. высоты и 5¹/₂ в. в поперечнике, другой в 8¹/₂ верш. высоты и 4 верш. в поперечнике. — Серебряный крест с обычным лицевым изображением, в подножии же Спасителя образ свм. Ипатія, украшен драгоценными камнями и жемчугом, по времени происхождения относится к XVII веку (без означения года); имеет в себе части мощей святых, в том числе часть неопалимой купины и чудного жезла Моисея, часть мантии и посоха св. Александра Свирского, часть гроба и одежды св. вм. Пафнутія Боровского, „перьсь свв. Прокопія Устюжскаго” и Ивана юродивого и „песочикъ ерданскій”. — Крест серебряный золоченый, с изображением Распятого, с предстоящими и двумя святыми по сторонам, и свм. Ипатія в подножии Распятого, 5 верш. высоты и 4 верш. в поперечнике; позади креста вырезано: „7136 (1628) мѣсяца декабря при архимандритѣ Пафнутиѣ”. — Крест ветхий, в 6¹/₂ в. высоты и 3 в. в поперечнике, в серебро-позолоченном багемном окладе. — Крест в 7 верш. высоты и 4 верш. в поперечнике, с двумя литыми святыми, предстоящими пред Распятым, с двумя херувимами вверху и с Адамовой главою внизу. — Крест в 7 верш. высоты и 4 верш. в поперечнике, с изображением Распятия Иисуса Христа красками по дереву, в серебряном позолоченном окладе верхнем, с чеканным венцом на главе Спасителя, и в медном окладе боковых сторон и нижней доски. —

Крест перламутровый резной, в 6 верш. высоты и 3 верш. в поперечнике. Сверх того, обращают на себя внимание не-напрестольные два креста: один из них — резной на черной кости, в 3 в. высоты и $1\frac{1}{2}$ в. в поперечнике, с праздниками и многими святыми, в серебряном золоченом окладе в скань; другой же крест деревянный, резной с обеих сторон, в 3 в. высоты и $1\frac{1}{2}$ в. в поперечнике, с двенадцатью праздниками и разными святыми.

2. Из хранящихся в ризнице богослужебных сосудов и вообще церковных принадлежностей привлекают к себе особенное внимание по древности и собственной ценности те, которые пожертвованы в Ипатиев монастырь боярами Годуновыми. Наиболее драгоценны золотые сосуды, — из них массивный потир, 5 верш. высоты, 10 верш. в верхней окружности, украшен чеканными изображениями четырех евангелистов, деисиса с изображением Пресв. Богородицы и И. Предтечи, а позади — креста, с жемчугом и ценными камнями; травы по всему потиру наложены с чернетью; вверху потира надпись: „пійте отъ нея вси: сія есть кровь Моя”, на поддоне резная летопись без чернети: „лѣта 7107 (1599) при царе и великомъ князе Борисе Ѳедоровиче всея Руси даль сей потырь вдомъ пречистые и живоначальные Троицы выпатцкой монастырь золотые сосуды потырь звезду три блюда лжицу копіецо даль конюшей и бояринъ Дмитрей Ивановичъ и сынъ его Владимиръ по своей душе и по своихъ родителей и ввечны(хъ) благъ”; дискос украшен изображением Божественного Агнца-Младенца, с стоящими подле Него ангелами с рипидами ромбоидальными; весу во всех золотых сосудах (вместе с поддоном у диска серебрным, поздней приделки) — 9 фунтов 24 золотн. Серебряные вызолоченные сосуды, из коих потир — $5\frac{1}{2}$ в. высоты и 11 в. в верхней окружности, украшен витым орнаментом и чеканным изображением деисиса, по другую сторону крест и резная надпись: „лѣта 7111 (1603) си сосуды здѣланы въ пречесную и великую обитель на Кострому святыя Троицы Ипацкого

монастыря при великомъ государе царе и великомъ князе Борисе Феодоровиче всея Руси самодержце и при его царскомъ величестве при сыне его царевиче князе Феодоре Борисовиче всея Руси въ пятое лѣто государства ихъ повелѣніемъ околничего Ивана Ивановича Годунова”; весу в потире с звездицею и лжицею — 5 ф. 37 зол. Другой серебряный потир 5¹/₂ верш. высоты и 7 в. в верхней окружности, с диском и звездицей превосходной ажурной работы, в стиле второй половины XVII века; весу в этих сосудах 1 ф. 57 зол. Еще сохраняются в ризнице оловянные два потира, дискос, звезда и лжица, составляющие, по преданию, дар царя Михаила Феодоровича.

К категории церковных предметов и принадлежностей относятся находящиеся в ризнице сосуды для св. мира. Ковчег серебряный четвероконечный, двух-ярусный, с двумя выдвижными ящичками, 10 в. высоты с ножками и 5¹/₂ в. ширины в подножии, с девятью сребропозолоченными главками с крестами; на среднем кресте литое Распятие Спасителя, по сторонам в осьми местах вызолоченные изображения резьбою Тайной вечери, Страстей и Воскресения Христова; на верху под главками спереди и сзади резное изображение Господа Саваофа с двумя золочеными херувимами по сторонам; на поддонном отливѣ спереди вырезана надпись: „построена сія дароносица въ 1736 году тщаніемъ архимандрита Пимена изъ монастырскаго иждивенія”; весу в ковчеге 8 ф. 10 зол. Еще сосуд для содержания св. мира серебряный осьмигранный, 9¹/₂ в. вышины, 9¹/₂ в. ширины, внутри весь вызолоченный, на четырех медных ножках; снаружи по сторонам в четырех больших гранях чеканные изображения: освящение храмов, таинство миропомазания, шествие жен мироносиц ко гробу Спасителя с миром и возлияние его на ноги Христовы, с стихотворными резными надписями; на ковчеге крышка серебряная осьмигранная же, с вызолоченным крестом; около крышки — четыре херувима; на поддоне вокруг сосуда на самом нижнем отливѣ резная надпись: „построенъ сей алавастръ на содержаніе освященнаго

мура трудолюбіем тщаніем преосвященнаго епископа Сильвестра костромскаго и галичскаго въ каѳедру епархіи его изъ казеннаго серебра; вѣсом 6 ф. 1747 года декабря 23 дня”.

Три серебряные водосвятные чаши, из коих одна весом 2 ф. 84 зол., 7 в. в диаметре, имеет на поддоне с чеканным венцом, около ее, в кружках в четырех местах и между кругами резную надпись „Божією милостию царь и великіи князь Иванъ Васильевичъ государь всея Русии. Даль въ домъ живоначальные Троицы выпатьцкой монастырь сію чару по себѣ и по своихъ родителехъ Яковъ Офонасьевичъ Годуновъ во иноцехъ Иосиѣ”. Другая чаша — гладкая, без поддона, 6 в. в диаметре, весом 1 ф. 90 зол., имеет резную надпись: „Божією милостию царь и великій князь Иванъ Васильевичъ государь всея Русии. Даль выпатьцкой монастырь бояринъ Димитрей Ивановичъ Годуновъ сію чару по себѣ и по своей женѣ и по своихъ родителехъ въ вѣчный поминокъ”. Третья чаша — 9 в. в диаметре, весом 11 ф. 6 зол., имеет на поддоне около чаши золоченую чеканную надпись: „лѣта 7102 (1594) при государѣ царѣ и великомъ князе Ѳедоре Ивановиче всея Русии и при его благовѣрной царице и великой княгине Иринѣ даль сію чару на святую воду въ домъ живоначальныхъ Троицы выпатьцкой монастырь бояринъ Дмитрей Ивановичъ Годуновъ по отце своемъ и по матери и по себѣ и по своихъ женахъ и по детехъ по всѣхъ родителей своихъ ввѣчный поминокъ”.

Блюдо серебряное, без пробы, 6¹/₂ в. в диаметре, весом 1 ф. 18 зол., сверху по краям в четырех местах резная надпись: „сіе блюдо даль Иванъ Ивановичъ Годуновъ въ Ипатской монастырь ко святей Троице подъ панагѣю и крестъ”. Другое блюдо серебряное, без пробы, 15¹/₂ в. в диаметре, весом 95 зол.; сверху по краям имеется сплошная резная надпись: „лѣта 7097 (1589) блюдо боярина Дмитрея Ивановичя Годунова даль вдомъ живоначальной Троицѣ выпатьцкой монастырь съ панагиею серебряною”. Блюдо серебряное продолговатое для омовения, с вензелем П. Е. К. и резьбою на

краях, при чем вычеканен год 1786; весу в блюде 5 ф. 8 зол.

Из нецерковных сосудов имеются в ризнице два большие серебряные, снаружи и внутри позолоченные, ковш с двуглавым орлом внутри. Из них один — весом 1 ф. 27 зол. и имеет в клеймах на полях резную надпись: „Божією милостію государь царь и великій князь Михайль Феодоровичъ и всея Русіи самодержецъ”; этот ковш прислан на хранение в Ипатиев монастырь из Московской Оружейной Палаты по повелению императора Николая I от 11 декабря 1834 года; тогда же прислан черный посох из простого дерева, принадлежавший царю Михаилу Феодоровичу. Другой ковш — весом 1 ф. 39 зол., имеет резную надпись: „Божією милостію мы, Екатерина II императрица самодержица всероссійская пожаловала симъ ковшомъ войска яицкого Зимовой станицы есаула Мартемьяна Бородина за ево верные службы въ Санъ петербурхъ февраля 9 дня 1765 года”.

Кадило серебряное большое, весом 2 ф. 60 зол., дар Ивана И. Годунова; чашка и крышка у кадила резные травчатые, местами золочены. Ладаница также серебряная с 13 бюстовыми изображениями светского характера в стиле Возрождения; быть может, имела первоначально назначение солонки или ларца. Медное паникадило — дар конюшего Бориса Ф. Годунова в 1592 году. Дикирии и трикирии, — две пары, — серебряные вызолоченные с чеканными поддонами с камнями, из них в одной паре 7 ф. 60 зол., а в другой 3 ф. 13 зол. Два кропила, из коих одно с серебряным вызолоченным отливным с личинами черенom западной работы, пожертвовано Иваном Андреевичем Голицыным, а другое кропило с серебряным вызолоченным чеканным черенom имеет замысловато сделанную чернетью надпись: „лѣта 7166 (1658) августа въ 6 день построено сіе кропило въ домъ живоначальныя Троицы въ Ипацкій монастырь при архиморитѣ Тихонѣ збратією изъ ризницы”. Две поставных свечи оригинальной формы, из них одна в 17¹/₂ в. высоты и 11¹/₂ в. в окруж-

ности, шестигранная, сделана из досок, украшенных по нескольким поясам священными изображениями, а другая в 12¹/₂ в. высоты и 10 в. в окружности внизу (в яблоке) изготовлена из воска росписанного.

Из множества панагий в ризнице обращают на себя внимание по относительной древности и художественности или оригинальности следующие: серебряная, вызолоченная с сиянием и различными фигурами, с изображением Пресв. Троицы на лицевой стороне и с резным изображением на другой св. ап. Филиппа и свм. Ипатия; панагия серебряная вызолоченная, на лицевой стороне коей изображены в темном фоне распятие Спасителя, в подножии Мария Магдалина, на обратной же стороне св. Сильвестр папа римский (панагия тезоименитого костромского епископа Сильвестра, 1746—1750 г.г.); панагия серебряная вызолоченная сканная с финифтью, с изображением на верхней финифтевой части Коронования Божией Матери (очевидно, из подражания католическому образу, собственность костромского епископа из западно-русских уроженцев); панагия серебряная с изображением Рождества Христова, с украшениями из хрусталя; панагия серебряная с сиянием и голубыми стразами, с изображением Спасителя, держащего овцу на раме; панагия серебряная с изображением на финифти Нерукотворенного образа Христа Спасителя в лазоревом свете; панагия звездовидная, серебряная вызолоченная, с изображением Божией Матери; панагия золотая, с украшениями, с изображением на перламутре св. Семейства; панагия серебряная со стразами, в середине изображение Господа Вседержителя, с короною из финифти, и другие ценные панагии от второй половины XIX века. Сверх этих панагий в ризнице заслуживают внимания и панагийные кресты серебряные: крест с изображением распятия Господня и в подножии — Марии Магдалины; крест серебряный, украшенный алмазами, с Нерукотворенным образом Спасителя; крест прорезной, украшенный камнями, с тем же образом; крест с изображением Господа Вседержителя, украшенный

камнями и хрусталем; крест из аметистов в серебряной оправе, с изображением распятого Спасителя, с короной из страз; крест серебряный позолоченный, чеканный, с изображениями распятого Спасителя с предстоящими и вверху Господа Саваофа, и др.

3. В ризнице монастыря находится много древних икон, представляющих разнообразие как в отношении техники, так и содержания их. Отметим из них прежде всего складни, резные из кости, камня, металла, дерева, около 2-х вершков высоты. К числу редкостных по необычайной форме и комбинации иконографических групп относится складень двойной, резной из черной кости с серебряными полями, украшенными золотой сканью. На одной половине складня — изображение Знамени Пресв. Богородицы, обрамленное кругом, положенным на осьмиугольный нимб, в углах которого помещены символы четырех евангелистов, Св. Дух в вид голубя, еще рука, ковчег и лампада, под какими знаками символически представляется Божия Мать в церковных песнопениях; между углами звезды изображены херувимы. На другой половинке складня представлены в верхней части образ Богоматери с предстоящим пророком со свитком в левой руке, в мантии и головной повязке; слева над палатами изображение Спасителя, благословляющего пророка; ниже престол с восседающим Спасителем со свитком; подле — женщина в мантии и народ. По объяснению Н. В. Покровского, „верхняя часть выражает идею ветхозаветного пророчества о рождении Спасителя, — Премудрости, Слова Божия, и если допустить, по аналогии с подобными же изображениями, что образы Богоматери и пророка означают купину Моисееву, то нужно будет признать, что здесь выражена также и мысль о приснодевстве Богоматери. В середине эта предсказанная в ветхом завете Премудрость является в виде двенадцатилетнего Иисуса Христа, поучающего народ в храме иерусалимском; для яснейшего выражения идеи о Софии Премудрости художник поместил рядом со Спасителем женщину, как

олицетворение Софии в античном образе, принятое в христианской иконографии. Внизу изображены плоды Премудрости, „закалающей жертвенных животных и уготовляющей трапезу для ищущих премудрости” (Притч. IX, 1—5). И так, целое представляет Премудрость Божию в трех различных моментах”. — Складень также двойной, резной, из аспидного камня, обложен вызолоченным серебром, басемным. На одной половине складня — изображение ветхозаветной Св. Троицы, Авраама и Сарры под дубом мамврийским; по серебряным полям этого изображения чеканная надпись: „О Тебѣ радуется обрадованная вся тварь, архангельскій соборъ и челоуѣческій” (род). Другая половина складня изображает Собор Пресв. Богородицы, соответственно содержанию упомянутой церковной песни и имеет кругом надпись: „днесь спасенію Нашему начатокъ вѣчной тайны явленіе Сынъ Божій” и пр. На обратной стороне складня — позади Троичного образа вырезаны на том же камне изображения разных святых, позади же Богородичного образа изображен по серебру резьбою св. Николай Чудотворец. Нельзя не заметить здесь, что упомянутая надпись на первой половинке складня, очевидно, относится к сюжету, помещенному на второй половине, между тем надпись на последней имеет более близкое отношение к содержанию изображения на первой половине складня, и в данном случае нужно признать перестановку надписей, неудачно произведенную реставратором этого складня. — Складень двойной круглый, из черной кости, в 1 вершок, обложен сканным серебром, с резными изображениями Знаменія Пресв. Богородицы на одной половинке и Распятія Спасителя на другой. — Складень двойной деревянный, около 2 вершков каждый, с изображениями Знаменія Пресв. Богородицы на одной половинке и св. Николая Чудотворца на другой, украшен по полям серебряною басмою и серебряными с финифтью венчиками; в верхних углах в серебряных четырех ковчежцах заключаются, как видно из надписей: кровь Спасителя, песок гроба Его, мощи св. Константина и

мощи св. Иакова Персского. — Складень деревянный двойной, в 1 верш., с изображениями на одной половинке св. Николая Чудотворца, а на другой — Казанской иконы Божией Матери, на полях и в просвете оклад, венцы и цаты серебряные вызолоченные, вокруг венчиков и цат обнизано мелким жемчугом в две нити. — Складень двойной на досках, 3 в. высоты и $2\frac{1}{2}$ в. ширины, с изображениями на одной половинке Знамени Пресв. Богородицы с предстоящими святыми, а на другой — разных святых в пяти лицах, в басемном серебряном вызолоченном окладе с венцами сканными. — Складень деревянный двойной, $2\frac{1}{2}$ в. высоты и $2\frac{1}{2}$ в. ширины, с изображениями Рождества Христова на одной половинке и Рождества Пресв. Богородицы на другой, с серебряными сканными венчиками; поля обложены серебром басемным золоченым. — Складень двойной на дощечках, $1\frac{1}{2}$ в. высоты и 2 в. ширины, с изображениями Пресв. Богородицы на одной стороне и трех святых на другой, в серебряном басемном окладе с басемными венцами. — Складень двойной серебряный в форме креста, в $\frac{3}{4}$ вершка квадратной формы, с св. мощами. — Складень тройной, на кипарисной доске в медной оправе, $2\frac{1}{2}$ в. ширины и $2\frac{1}{2}$ в. высоты, с изображениями в середине Спасителя на престоле, с св. Алексием митрополитом и преп. Сергием Радонежским в подножии; по правую сторону складня образ Пресв. Богородицы с Предвечным Богомладенцем и в молении пред ним св.вм. Георгий, а по левую изображение Иоанна Предтечи. — Складень створчатый, $3\frac{1}{2}$ в. высоты, $2\frac{1}{2}$ в. ширины и $1\frac{1}{2}$ в. по сторонам, с изображениями в середине Страстной Пресв. Богородицы в серебряной позолоченной ризе с таким же венцом, вверху — Господа Саваофа, по сторонам же — Благовещения Божией Матери, в середине на сторонах — правой преп. Феодор и Афанасий, а на другой — преп. Никита и Мария Магдалина.

Из отдельных образов в ризнице обращают на себя внимание следующие, малого размера: икона Божией Матери с Предвечным Младенцем, квадратная, в $1\frac{1}{2}$ в., резная на

аспидном камне, в серебряной оправе; Казанская икона Божией Матери, резная из камня, в $\frac{3}{4}$ вершка; тот же образ деревянный, в серебряной чеканной ризе с резьбой, $2\frac{1}{2}$ в. высоты. Особенно примечательны по иконописи лучших мастеров XVI—XVII веков и чеканной филигранной работе образа среднего размера. Владимирская икона Божией Матери пятилистовая, 6 в. высоты и 5 в. ширины, в серебряном басемном окладе с тремя небольшими серебряными круглыми дробницами, вклад Ивана Ст. Годунова. Корсунский образ Божией Матери, осьмиллистовый, 8 в. высоты и $7\frac{1}{2}$ в. ширины; на образе оклад и венцы серебряные вызолоченные чеканные с разноцветными камнями и жемчугом в убрусе, с изображением на полях — св. ап. Петра и пророчицы Анны, дар, по преданию, царя Алексея Михайловича. Образ Пресв. Троицы шестиллистовый, 7 в. высоты и 6 в. ширины, с изображениями на полях св. кн. Всеволода и св. кн. Ольги. Образ Пресв. Богоматери Умиление, в киоте, осьмиллистовый, $9\frac{1}{2}$ в. вышины и 7 в. ширины; убрус низан средним жемчугом с камнями, цата серебряная сканная с финифтью; на киоте и в сени — образ Пресв. Троицы с двумя херувимами; сверху киота на середине образ Знамения Пресв. Богородицы, резной на кости, в серебряной сканной оправе с финифтью, по сторонам же киота вверху и внизу — изображения осьми святых; венчики резные серебряные. Икона св. Александра Невского, 10 в. высоты и 7 в. ширины, представленного в иноческом одеянии (в иночестве св. Алексей) со свитком, в серебряном басемном окладе. Образ св. м. Агриппины, $3\frac{1}{2}$ в. высоты и 3 в. ширины; на нем поля и просветы чеканные серебряные позолоченные, по полям же и вокруг обнизано мелким жемчугом, венец и цаты украшены двумя бирюзами, яхонтом и двумя жемчужинами, вклад Годуновых. Панагиар с изображениями на лицевой стороне Распятия с предстоящими, а на другой св. Ипатия и ап. Филиппа, 3 в. высоты и 2 в. ширины, украшен филигранью. Икона „Утоли моя печали“, 2 в. высоты и 2 в. ширины, в серебряной ризе.

Образ св. Иоанна новгородского чудотворца, 4 в. вышины и 3 в. ширины. Образ св. пророка Илии, 16¹/₂ в. высоты и 13 в. ширины, старинного рисунка; образ Воскресения Христова, образ Спасителя, Боголюбская икона Божией Матери, св. Иоанна Предтечи, архистратига Михаила, архангела Гавриила, св. Артемия Веркольского — по 7 в. высоты и 6 в. ширины; икона праведных Макария и Анны — 6 в. высоты и 5 в. ширины. Есть в ризнице и другие старинные иконы; из упомянутых икон большинство пожертвовано боярами Годуновыми, частью царем Алексеем Михайловичем.

В виду трехсотлетнего юбилея царствования Дома Романовых приобретают особенное современное значение выносные иконы: Владимирская икона Божией Матери с 8 святыми в серебряных дробницах, в 2 арш. высоты с рукоятью, и деревянный крест, украшенный басмою, 13¹/₂ в. высоты с рукоятью и 11 в. в поперечнике. Эти две иконы, по преданию, принесены московскими земскими послами и находились в совокупной московской и костромской крестной процессии в Ипатиев монастырь 14 марта 1613 года для предложения царской короны юному Михаилу Феодоровичу. Рядом с этими иконами хранится несенный в той же процессии пред ними большой, в 4 аршина высоты, с деревянной рукоятью (в 2 арш. 2 в.), фонарь с пятью шандалами внутри, сделанный из железа и слюды с медными бордюрами, с шатровым верхом в виде короны с десятью зубцами, завершенными каждый грушеобразною главою; средняя гавка в 13 в. высоты и 1 арш. 9¹/₂ в. в окружности, боковые же коронки по 8 в. высоты и 7¹/₂ в. в окружности. Фонарь этот представляет собою один из лучших образцов этого рода, какие только уцелели доселе.

4. В Ипатиевской ризнице довольно многочисленны и разнообразны памятники древне-русского шитья, которые частью по древности, частью по художественности исполнения и иногда по своей драгоценности обращают на себя особенное внимание, таковы: воздухи, пелены, плащаницы, священные одежды, митры.

Три воздуха, шитые золотом и серебром по червчатой камке и украшенные жемчугом, составляют вклады боярина Димитрия И. Годунова. Один из них 15 в. ширины и 1 арш. 2 в. длины представляет в середине Агнца Божия, закланного за грехи мира; вверху представлен Св. Дух (в виде голубя), от Бога Отца нисходящий (в облаках) на Агнца; около последнего — по два ангела с рипидами в руках, в положении лиц служащих; по углам херувимы и серафимы. Над ангелами и звездицею вышито серебром и жемчугом: „се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра”; на полях покровца надписано: „даетъ святымъ своимъ ученикамъ и апостоламъ рекъ пріимите и ядите се есть тѣло Мое еже за вы и ломимое во оставленіе грѣховъ” и, сверх того, вышита надпись относительно происхождения воздуха: „Божиею милостию при благовѣрномъ государе царе и великомъ князе Борисе Ѳедоровиче всея ру(сіи) самодержце и при его благовѣрной царице великой княгине Марье и при ихъ благородныхъ чадахъ при благовѣрномъ царевиче Ѳедоре и при благовѣрной царевнѣ Ксеньѣ здѣлал сі(и) сударь конюшей бояринъ Дмитрей Ивановичъ Годуновъ вдомъ живоначальной Троице ипацкого монастыря по своей душѣ и по своихъ родителехъ ввѣчныхъ ради благъ лѣта 7110” (1602). Другой покров — 12¹/₂ в. длины и 12¹/₂ в. ширины, в середине вышито Знамение Пресв. Богородицы с херувимами; вокруг надпись: „пійте отъ нея вси...”; на фоне вокруг Знамени надпись такая же, какая и на описанном воздухе, лишь с прибавлением относительно назначения: „по своей душе и по своей женѣ и по своихъ родителехъ ввѣчныхъ ради благъ лѣта 7107” (1599). Третий воздух или сударь большой, в 1 арш. 2 в. длины и 15 в. ширины, с изображением Иисуса Христа, лежащего во гробе, а вверху — херувима и двух ангелов, парящих с рипидами в руках; вокруг вышиты серебром слова всего тропаря „Во гробе плотски”; внизу летопись такая же, какая и на первых двух воздухах, с изменением в конце ее лишь времени изготовления сударя: „лѣта 7100” (1592).

Замечательны и другие воздухи, напр. три сударя квадратные, по 8 вершков, с изображением Пресв. Троицы, а по углам — херувимов, шитые золотом, серебром и шелками на зеленой камке, на красной штофи и на голубой, с вышитым вокруг тропарем „Благословен еси Христе Боже наш”... и кондаком „Егда снисшед языки слия”... Два покровца шиты золотом и серебром на красной штофи, из них на одном (6 в. высоты и $6\frac{1}{2}$ в. ширины) представлен Агнец Божий с четырьмя херувимами, на другом (7 в. высоты и $6\frac{1}{2}$ в. ширины) — образ Спасителя с четырьмя евангелистами. Сударь — 13 в. высоты и $7\frac{1}{2}$ в. ширины, с вышитым по червчатой камке золотом и серебром и шелками Отчеством, а в подножии вышиты ап. Филипп и свм. Ипатий; около шит тропарь „Во гробе плотски”... Сударь — 10 в. длины и 7 в. ширины, с одинаково шитым изображением ап. Филиппа. Сударь — 13 в. высоты и 13 в. ширины, с шитым по зеленой камке золотом и серебром изображением свм. Ипатия. Сударь — 10 в. высоты и 7 в. ширины, с одинаково шитым изображением св. вм. Димитрия. Сударь — 5 в. высоты и $4\frac{1}{2}$ в. ширины, с одинаково же шитым изображением преп. Серия Радонежского. Сударь — 5 в. высоты и $3\frac{1}{2}$ в. ширины, с одинаково вышитым изображением св. Иоанна новгородского чудотворца. Три воздуха бархатные пунцового цвета; из них воздух в 1 арш. ширины и $12\frac{1}{2}$ в. высоты пожалован императрицей Екатериной II костромскому епископу Симону 19 сентября 1769 года, шит золотом и серебром, с вензелевыми по углам именами, низанными жемчугом; переложен на новый бархат 6 мая 1801 года; другой воздух квадратный в $9\frac{1}{2}$ в., представляет в середине в жемчужном кресте Спасителя, но углам четырех евангелистов, а между последними вышиты мелким жемчугом вензельные Высочайшая имена, при чем в одном месте — имя костромского епископа Евгения. На третьем воздухе, $9\frac{1}{2}$ в. высоты и $9\frac{1}{2}$ в. ширины, в середине жемчужного креста вышит образ Божией Матери, а по углам —

изображения трех Святителей и св. ап. Иакова брата Господня.

Сверх того, имеются четыре воздуха, присланные от 28 августа 1910 года из Галичского собора. Первый — большой в 1 арш. 2 в. высоты и 1 арш. $5\frac{1}{2}$ в. ширины, вышито по зеленой штофи золотом и шелками в гладь Распятие Иисуса Христа с предстоящими, вверху Саваоф, по сторонам два ангела, по углам солнце и луна; все лица обнизаны жемчугом, на окладинах по углам символы евангелистов, между ними вышиты золотом и серебром слова: „Спасеніе содѣлалъ еси посредѣ земли Христе Боже, на крестѣ пречистыя руцѣ Твои распростерлъ еси, собирая вся языки зовущія: Господи слава Тебѣ”. Другой и третий воздуха — по 11 в. высоты и 11 в. ширины, вышиты на голубой штофи; на одном — Предвечный Младенец в чаше, два ангела с рипидами, вверху два херувима, все это обнизано жемчугом; четыре живописные евангелиста с венцами, обнизанными жемчугом, между ними вышиты слова: „Се Агнецъ Божій, возмелай грѣхи міра”; на другом воздухе — Знамение Божией Матери, окруженное с четырех сторон шестикрылыми серафимами, обнизано жемчугом; между ними вышиты слова „Честнѣйшую херувимъ”... и пр. Четвертый воздух — в $6\frac{1}{2}$ в. высоты и $6\frac{1}{2}$ в. ширины; красного атласа; по середине Распятие с предстоящими, по углам два херувима и два серафима.

Пелена в 1 арш. 13 в. высоты и 1 арш. 10 в. ширины приложена Д. И. Годуновым в 1593 году и употреблялась прежде в Господские праздники в привес у храмового образа Пресв. Троицы. В середине пелены по червчатой камке представлена Троица, а по сторонам по таусинной камке вышито 16 изображений, содержание которых определяется следующими надписями: 1) сотвори десять чинов ангельских; 2) сотвори небо и землю и воду; 3) свержение сатанино с небес; 4) созда Господь Адама от земли и дуну на лице его душу живу; 5) изгнание Адама и Евы из

рая за преступление; 6) Ной собирает животных в ковчег двое двое; 7) явился Св. Троица Аврааму под дубом мамврийским; 8) умовение ног Св. Троицы; 9) уготова Авраам Св. Троице трапезу; 10) искушает Господь Авраама о сыне его; 11) иде Св. Троица к Содому и Гоморру погубити; 12) кланяшеся Авраам Господу вопрошаше о праведницех; 13) изведе Господь из Содома Лота и дщери его; 14) погуби Господь Содом и Гоморр, жена Лотова столп бысть; 15) Иаков виде лествицу и ангели Божии; 16) Моисей виде купину огнем палиму; на всей пелене изображения и соответственные надписи низаны жемчугом по золоту; пелена подложена желтою тафтою, — Плащаница в 2 арш. 12 в. длины при ширине в 1 арш. 14 в., с изображением Положения Иисуса Христа во гроб, в облаках четыре херувима, а по углам четыре евангелиста; плащаница шита золотом, серебром и разными шелками, венцы шиты по червчатой красной камке золотом; около венцов и по ризам в сгибах низано жемчугом. Вокруг этой плащаницы по багровой земле низаны жемчугом церковные песнопения: „Во гробе плотски”... „Аще и во гроб снизшел”... „Яко живоносец”...; с трех сторон вышита серебром летопись: „лѣта 7112 (1604) при державе государя царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича всея Росіи и при его благовѣрной царице и великой княгине Марье Григорьевне и при ихъ благородныхъ чадахъ при благовѣрномъ царевиче Ѳеодоре Борисовиче всея Росіи и при благовѣрной царевнѣ Ксеньѣ Борисовне даль си воздухъ конюшей и бояринъ Дмитрей Ивановичь Годуновъ въ домъ живоначальной Троице выпацкой монастырь за свое здравие и за жену свою Матрену, а Богъ по душу сошлетъ ино по своей душе и по своих родителейъ ввѣчный поминокъ”. Плащаница в 1 арш. 10 в. ширины и 2¹/₂ арш. длины, с вышитыми по голубой земле золотом и серебром и шелками изображениями — в середине Положения Спасителя во гроб, Божией Матери, Иоанна Предтечи, архангела, положена в монастырь боярами Годуновыми

и, можно полагать, тезоименитые им святые изображены в кругах на полях плащаницы, именно: агиос Николай, Иоанн Богослов, ап. Петр, архангел Михаил, ап. Павел, Андрей, митрополит Алексей, Иоанн лествичник, Димитрий великомученик, Василий, Парасковия Пятница, Феодор Тирон, Глеб, Борис, Стефанида, Евфимия, Ксения, Агриппина, Екатерина, Феодор Стратилат, св. Иван, Симеон, Георгий и Сергей. По сторонам приделана кайма с вышитыми надписью „со святыми упокой”... и отрывочными словами, взятыми с какого либо надгробного покрывала Годуновых. Сохраняются еще два надгробных покрывала, приспособленные для на престольного облачения; на одном из них вышита золотом надпись, с передней стороны облачения: „лѣта 7101 (1593) положила государыня царица великая княгиня Ирина *) сей покровъ на отца своего Феодора Ивановича Годунова”, а на другом покрывале надпись, со стороны от горнего места: „лѣта 7101 положила государыня царица великая княгиня Ирина сей покровъ на брата своего Василья Феодоровича Годунова”. На тех же покрывалах, сверх того, имеются следующие надписи, по местам прерываемые вследствие отрезков при приспособлении покрывал для на престольного облачения: „Приидите послѣднее цѣлованіе дадимъ братіе умершему, благодаряще Бога... сей бо изыде отъ братства (своего). Уже къ тому небреги о суетѣ ничтожнѣй плоти, гдѣ нынѣ сожителъствующе и вси се нынѣ разлучаемся. Покой ти раба своего Феодора, Господу помолимся. Создавый мя и положи на мнѣ руку Твою, заповѣдавъ мнѣ прегрѣшенія моя отпусти ми, молюся, Царю безсмертный, и вѣчныхъ благъ сподоби, преставленнаго раба Своего Василія покой въ нестарѣющемъ (блаженствѣ Своемъ. Земля еси) и въ землю паки пойдеши, настави мя на путь правый”. **) — Еще имеется покров из малинового бархата, приложенный в 1645 г. на гробницу Алексея Никитича Годунова женой его вдовой Ксенией Ивановной.

---

*) Жена царя Федора Ивановича, сестра Бориса Годунова.

**) Надпись в новом правописании приведена; слова в скобах не имеются в надписи, за отрезком.

Из сохраняющихся в ризнице свящ. одежд следующие обращают на себя особенное внимание по своей древности и высокому изяществу и драгоценности шитья. Саккос — из парчи золотной, местами серебряной с букетами разного шелка, низан жемчугом по оплечью, рукавам и подолу; около оплечья низаны жемчугом слова размером в вершок: „на раѣхъ Христе заблудшее взявъ естество вознесль ся еси Богу и Отцу привелъ еси”; на правом рукаве саккоса слова: „десница Твоя Господи прославися въ крѣпости”; на левом же рукаве слова: „руцѣ Твои сотвориствѣ и создаствѣ мя” низаны жемчугом в 1¹/₂ вершка; около подола такого же размера слова: „вниду въ домъ Твой поклонюся въ церкви святѣй Твоей, во страѣ Твоемъ. Господи настави мя, внидите въ врата Его во исповѣданіи, во дворѣ Его въ пѣнїи исповѣдайтесь Ему. Хвалите имя Его”. Еще саккос — из пунцового бархата, по нему расположено 56 веток, шитых по карте серебром и жемчугом; листья и корни веток вышиты серебром, а цветы, по три на каждой, жемчугом средней величины, с 32 насыпными из крупного жемчуга кистями; на подоле и рукавах вышито 14 арабесок, посреди же каждой арабески проведена нить из 20 крупных жемчужин; оплечье вышито небольшими букетами, цветы и корни которых обведены нитями среднего жемчуга, листья шиты серебром по карте; оплечье, подольник и рукава обложены золотым гасом, по которому вышит узор из крупного жемчуга; полоса такого же гаса — на передней стороне саккоса, с 18 мелкими серебряными вызолоченными дробницами; крест на саккосе из пяти круглых серебряных вызолоченных дробниц с изображениями святителей: Петра, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, св. мучеников князей Бориса и Глеба, с четырьмя круглыми в серебряной оправе бурмицкими зернами и сиянием, вышитым золотом.

Омофор большой — из серебряного нового глазета, с четырьмя крестами, из коих каждый составлен из 12 малых разной формы серебряных вызолоченных дробниц и

одной большой круглой — в середине креста; на двух дробницах изображены херувимы, на третьей — И. Предтеча и на четвертой — св. Андрей; дробницы обнизаны жемчугом; звезда на омофоре четырехугольная, кругом обложенная в ряд крупным жемчугом; в середине ее круглая дробница с изображением Господа Саваофа, окруженная сиянием из жемчуга и небольших драгоценных камней, вокруг же сияния 12 мелких дробниц; на концах омофора — по две поперечных вырезных из золотного глазета каймы, между ними по пунцовой решетке выложены узоры из нитей среднего жемчуга, в середине узоров — по круглой дробнице и две дробницы остроконечных на поперечных каймах; ниже кайм — узор заостренными фигурами в роде бахрамы из нити жемчуга. — Омофор малый — из серебряного глазета, по шитью и узорам одинаков с описанным омофором. В нем два креста, из коих в каждом 12 мелких разной формы дробниц и по одной в середине круглой дробнице с изображениями святителей Григория Богослова и Иоанна Златоуста; эти две дробницы обведены нитью среднего жемчуга, золотыми ковками и пунцовой эмалью; звезда на омофоре — из осьми остроконечных дробниц и одной в середине круглой с изображением святителя Алексия, вышита крупным жемчугом и драгоценными камнями, в середине по решеткам нашито еще шесть, обведенных нитями крупного жемчуга, круглых дробниц с изображениями апп. Петра и Павла и святителей Григория Богослова и Иоанна Златоуста и на двух — херувимов; на двух концах омофора по пунцовым решеткам наложен узор из нити среднего жемчуга, в середине его по остроконечной дробнице и по такой же на двух поперечных из золотного глазета каймах. — Омофор — из парчи золотной, на нем травы из золотной бити с разными шелками, с пятью низанными жемчугом крестами.

Из старинных фелоней привлекают к себе внимание следующие. Фелонь парчовая с разными золотными разводами

и узорами, с бархатным оплечьем, украшена была серебряными дробницами, имеет вокруг оплечья шитую шелком летопись: „лѣта 7153 (1645) сентября въ первый день дала сія вкладныя ризы въ домъ Живоначальныя Троицы въ монастырь святыхъ чудотворцевъ Ипатія и Филиппа по Алексіе Никитиче Годунове жена его Аксинья Ивановна”. Другие четыре фелони относятся по происхождению также к первой половине XVII века, таковы: фелонь из золотной парчи по белой шелковой земле, оплечье шито по червчатому бархату золотом и серебром с золотыми блесками, крест серебряного прорезного позумента, звезда из парчи золотной по голубой земле, омет из парчевого бархата, по омету в два ряда золото-серебряное кружево; еще фелонь — из золотной парчи, на ней травы серебряные и шелковые; оплечье шито золотом и серебром с короной по вишневому бархату, крест и звезда шиты золотом, омет по травчатой земле.

Из множества епитрахилей выделяются по древности своего происхождения: епитрахиль, низанная жемчугом по черному бархату, с десятью большими и десятью малыми серебряными дробницами, и епитрахиль, низанная золотом по зеленому бархату, со многими серебряными дробницами. Епитрахиль — из парчи золотной по белой шелковой земле с шестью жемчужными крестами. Поручи старинные — из червчатого бархата, на них травы шиты золотом, в середине жемчужные кресты с белыми около них канительными звездочками; по краям обложены золотным позументом.

Из древних палиц, хранящихся в ризнице Ипатиева монастыря, замечательны многие. Палица — из червчатого бархата, низана жемчугом, с вышитыми на ней золотом и серебром изображениями Пресв. Троицы, по сторонам апп. Петра и Павла, внизу св. Иоанна Златоуста, по углам же — херувимов. Палица — из червчатого бархата с так же вышитыми на ней изображениями Пресв. Троицы, Авраама и Сарры, ап. Филиппа и свм. Ипатия, по углам же — четырех херувимов;

палица низана жемчугом, равно и тропарь вокруг палицы „Благословенъ еси Христе Боже нашъ”... Палица — из червчатого бархата, с вышитыми на ней крестом из дробниц, копием, тростию и главой Адама, обнизанными жемчугом. Палица шитая золотом, серебром и шелками, с изображением по зеленой камке Знамения Пресв. Богородицы. Палица — с изображением св. митрополита Алексия, вышита по красной обьяри золотом, серебром и шелками, низана жемчугом. Палица парчовая по белой серебряной земле с золотою и серебряною битью и с травами разного шелка, в середине крест жемчужный с камнями.

Из великого множества старинных (от XVII до XIX веков) и весьма ценных по себе митр обозначим здесь наиболее выдающиеся. Митра древней формы (опушена была горностаем) с серебряным золоченым корпусом, украшена девятью дробницами с жемчугом или — образками Спасителя, Божией Матери и разных святых, над ними девять херувимов, вверху Успение Богоматери, внизу в четырех клеймах резная надпись: „повелѣніемъ благочестивыхъ великихъ государей царей і великихъ князей Іоанна Алексѣевичя, Петра Алексѣевичя всея великия и малыя і бѣлыя Росіи самодержцевъ по благословенію великаго господина святѣйшаго киръ Андреяна московскаго всея Росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха дадеся сія шапка въ Галичь вновоозерскій монастырь архимандриту Тарасію лѣта 7199 (1691) февраля въ 22 день”. — Митра в корпусе вся обнизанная жемчугом, изумрудами и другими ценными камнями, с изображением вверху Коронования Божией Матери, с финифтяными по сторонам образками Спасителя, Божией Матери, свм. Ипатия и св. Иоанна Дамаскина. — Митра по корпусу обложенная белым серебряным глазетом, на коем снизу положены четыре сребропозлащенные продолговатые дробницы с разными изображениями: Спасителя, св. Петра митрополита, св. Василия Великого и св. Иоанна Златоуста, в середине митры четыре круглые сребропозлащенные дробницы с резными изображениями св. апп. Матфея, Иоанна, Петра и Павла; вверху митры круглая сребропозлащенная дробница с резным изобра-

жением Господа Вседержителя; митра украшена жемчугом, изумрудами, аметистами, гранатами и другими цветными камнями. — Митра низанная жемчугом по золотому фризе, наверху ее на финифти изображен Св. Дух, внизу по темному фону — Спаситель, Божия Мать, Иоанн Предтеча и Распятие Иисуса Христа, повыше их св. ап. Филипп, свм. Ипатий, св. м. Хрисанф и Дария. — Митра обложенная жемчугом по голубому бархату, с изображением Господа Саваофа, по сторонам же — Спасителя, Богоматери, Иоанна Предтечи и Тихвинской иконы Божией Матери. — Митра низанная жемчугом по черному бархату, с резным изображением Пресв. Троицы в серебряной вызолоченной круглой дробине. — Митра сплошь шитая серебром, с изображением в верхнем медальоне Спасителя и по бокам с финифтяными образками Спасителя, Божией Матери, Иоанна Предтечи и Распятия Иисуса Христа. — Митра по корпусу обложена золотом с чеканными серебряными 12 дробницами, в верхнем медальоне образ Пресв. Богородицы, а на сторонах — Спасителя, И. Предтечи, Распятие Господа и Страсти Христовы.

5. Наконец, в ризнице Ипатиевского монастыря тщательно сохраняются многие рукописные и особенно старопечатные богослужебные книги, из коих особенную ценность для просвещенных любителей древней письменности имеют лицевые рукописные Евангелия и Псалтири XVI и XVII веков.

Рукописных Евангелий имеется девять, из них же обращают на себя особенное внимание по древности, оригинальности и богатству украшений следующие: Евангелие — в малую четверть листа в кожаном переплете, писано полууставом; как видно из последней страницы послесловия, написал это Евангелие (с 13 ноября) 6944 (1436) года в Новгороде в монастыре Благовещения Пресв. Богородицы в Людином конце при великом князе московском Василии Васильевиче и при новгородском архиепископе Евфимии священноинок „Варсунофьишка”.

Лучшее из древних лицевых Евангелий писано 1603 года, вклад Ивана И. Годунова, как видно из чеканной летописи

на серебряном (с изображением Воскресения Христова, с евангелистами) окладе его, позднее приделанном к печатному Евангелию от 7190 (1682) года „лѣта 7111 здѣлано бысть сіе Евангелие въ пречесную и великую обитель на Кострому святыя и пребожественныя Троицы Ипацкаго монастыря при великомъ государе царе и великомъ князе Борисе Ѳеодоровиче всея Русіи самодержце и при его царскомъ величестве при сыне его царевиче князе Ѳеодоре Борисовиче всея Русіи въ пятое лѣто государства ихъ повелѣніемъ окольничего Ивана Ивановича Годунова”. Это Евангелие — в десь, писано крупным превосходным полууставом, причем слова текста не отделены принятыми промежутками или какими либо условными знаками, а писаны сплошь. В Евангелии имеется множество изящных украшений в виде раззолоченных голубых заставок пред началом каждого Евангелия и многочисленных по листам художественных миниатюр, сопровождающих евангельский текст. В изображении символов при евангелистах вариацию представляет (правда, встречаемое иногда и в других памятниках) усвоение евангелисту Марку символа орла с книгою, Иоанну же — льва с крыльями. Из многих миниатюр этого Евангелия достопримечательна первая миниатюра, представляющая родословное дерево для иллюстрации начального повествования св. Матфея о родстве Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова. Праотец Авраам в виде старца представлен внизу картины между двух гор с городами; от Авраама идут вверх ряды медальонных изображений Исаака, Иакова, Иуды и пр., перевитых одной непрерывной ветвью плюща. Ряд представителей поколений, расположенных в хронологическом порядке, замыкается вверху Пресв. Девою Мариею, во чреве которой помещено изображение в рост младенца Иисуса. В самом верху изображено Рождество Христово со всеми евангельскими подробностями, сопровождавшими это событие. В Евангелии от Луки миниатюрист еще раз отмечает родословие Иисуса Христа, согласно с повествованием в конце 3 главы этого Евангелия. В Евангелии от Иоанна обращает на себя внимание

миниатюрное изображение Отечества или Пресв. Троицы: Бога Отца, сидящего в образе старца на высоком престоле и окруженного херувимами и серафимами, — Сына в недрах Отца и Св. Духа — в недрах Сына.

Другое Евангелие — от 1605 г., пожертвовано Димитрием И. Годуновым, как видно из летописи, начеканенной на середине в четверугольнике на задней серебряной доске оклада: „7113 году при державе государя царя і великаго князя Бориса Ѳеодоровича всеа Русіи и при его благовѣрной царице и великой княгине Марье Григорьевне и при ихъ благородныхъ чадѣхъ при благовѣрномъ царевиче князе Ѳеодоре Борисовиче всея Русіи и при благовѣрной царевне княжнѣ Ксеніи Борисовне всея Русіи здѣлалъ сіе Евангеліе вдомъ живоначальной Троицы выпатцкой монастырь конюшей и бояринъ Дмитрей Ивановичъ Годуновъ за свое здравье и за свою жену Матрену, а Богъ по душу сошлетъ по своей душе и по своихъ родителехъ вѣчно благъ”. На лицевой стороне это Евангелие имеет серебряный оклад с изображениями на дробницах святых, тезоименитых Годуновым. Миниатюры в Евангелии (всех 99) расположены на полях рукописи; лики святых сделаны чернилами; контуры и драпировка не везде отличаются правильностью. В ряду изображенных многих евангельских событий здесь встречается довольно редкое в древне-русских памятниках изображение Доброго Пастыря с овечкой на плечах — для наглядного представления притчи Спасителя о заблудшей овце (Лук. 15, 4—7).

Далее, из шести древних Евангелий в лист, писанных полууставом, заслуживают внимания также два, на коих имеется означение годов 1564 и 1588 (последний год значится в подписи по листам „при царѣ Ѳеодорѣ Ивановиче”); в первом Евангелии, принадлежавшем Адриану Михайлову из Сергиева монастыря, в изображении первых трех евангелистов символами служат фигуры ангелов в осьмиугольных нимбах, олицетворяющие собою Премудрость Божию — Софию. Прочие Евангелия — без означения времени написания.

Печатных Евангелий в ризнице 29, из коих 16 изданы до XIX века. Из старопечатных Евангелий XVII века в разных бархатах и окладах имеются от 1606, 1625, 1634, 1678, 1681, 1682 годов; Евангелия нового выхода — от 1730, 1754, 1759 годов. В Евангелии от 1681 года из многих, искусно сделанных от руки, миниатюр на полях, замечательны две по некоторой редкости, именно — для иллюстрации изречения Спасителя в Матф. 7, 3 представлены два стоящие один против другого лица, при чем изображены в глазах — у одного сучок, а у другого — бревно; в изображении явления воскресшего Иисуса Христа еммаусским путникам Он представлен в обыкновенной шапке, — каковое изображение сделано по подражанию образцам западной гравюры.

Из других рукописных книг священных, сохраняющихся в ризнице Ипатиева монастыря, в высшей степени замечательны и ценны в археологическом отношении три лицевые Псалтири, в десть на александрийской бумаге, представляющие собою три различные редакции. Первая из этих Псалтирей — от 1591 года, дар Димитрия И. Годунова; писателем ее был Софроний, вероятно, один из придворных писцов-специалистов. Псалтирь имеет дивное предисловие, в котором между прочим сказано: „Въ лѣто 7109 (1591) въ богохранимомъ и въ преименитомъ и царствующемъ граде Москвѣ... при державѣ превысочайшіе царскіе степени скифетра великаго російскаго царствія... Божією милостію великаго государя царя і великаго князя Федора Ивановича всеа Русіи Самодержца... въ 7 лѣто государства при святѣйшемъ Іеве патріархе царствующаго града Москвы и всея великія Росія... съ великою вѣрою и ссередечнымъ желаніемъ і истиннымъ раченіемъ и спотщаніемъ многогрѣшный къ Богу и къ челоуѣкомъ грубый, его царского величества боляринъ Дмитрей Ивановичъ Годуновъ премудрымъ смысломъ и разумомъ сию святую книгу повелѣ написати и назнаменовати и украсити златомъ и серебромъ и совершивъ и украсивъ чудне сию святую книгу Псалтирь положилъ въ домъ пребезначальнаго и три-

постаснаго Божества Святыя и нераздѣлимая Троица выпадкой монастырь на Кострому по своей душе и по своихъ родителейъ на память вѣчную. А хто сію святую книгу изъ той превеликіе Лавры безъ повелѣнія пастыря тое обители дерзнетъ исхитити насильствомъ или инымъ какимъ ухищреніемъ изнести и тотъ да отлучень будетъ отъ славы Сына Божія въ сій вѣкъ и въ будущій и вѣчней муцѣ осужень будетъ. А взимая сію книгу сповелѣнія пастыря, и прочитая свѣрою обрящеть отъ Бога милость и утѣху и оставленіе грѣховъ въ сій вѣкъ и въ будущій”. В Псалтири 576 изящныхъ миниатюр, содержание коихъ весьма разнообразное, при чемъ они представляютъ собою какъ бы наглядное пособие къ уразумению известныхъ местъ Псалтири, толкование ихъ сокровенного смысла и потому часто встречаются изображения изъ событий новаго завета и церковной истории, соответственно находящимся въ псалмахъ пророчествамъ, прообразамъ и т. под., также многие образы и сравненія изъ внешней природы, жизни животныхъ и др. Напр. въ миниатюре 87 псалма изображенъ Иисусъ Христосъ среди горнаго ландшафта молящимся Богу Отцу, тутъ же лисица въ своей норе и птица въ гнезде, — такъ представлено истолковательно содержание этого псалма въ смысле уничиженнаго состоянія Спасителя применительно къ Его изреченію въ Лук. 9, 58. Для объясненія словъ 15 ст. 144 псалма: „Очи всехъ на Тя уповаютъ и Ты даеши имъ пищу во благовремени” изображенъ престолъ съ киворіемъ; возлѣ престола стоитъ Иисусъ Христосъ и изъ сосуда въ видѣ кубышки преподаетъ подходящимъ къ Нему апостоламъ евхаристию. По общему заключенію исследователя этой Псалтири Н. В. Покровскаго, редакция миниатюръ ея представляетъ характеръ своеобразный, и другихъ экземпляровъ псалтирныхъ кодексовъ съ миниатюрами этой редакціи неизвѣстно.

Другая лицевая Псалтирь — отъ 1594 года и составляетъ вкладъ также Д. И. Годунова. Въ предисловіи такомъ же, какое и въ Псалтири 1591 года, указано, что Псалтирь чудно украшена 11 марта 1600 года при державѣ царя Бориса

Феодоровича. Написана она, как и первая Псалтирь, красивым уставом царских писцов; миниатюры помещены на полях Псалтири и по своему содержанию относятся преимущественно к новому завету, представляя в его событиях исполнение пророческих мест псалмов. Так напр. в истолкование слов 21 ст. 40 псалма: „уловят на душу праведнику и кровь неповинную осудят” изображен на миниатюре воин с копием, преследующий прав. Елисавету и ее сына Иоанна Предтечу, которые скрываются в горной пещере; рядом представлено избиение младенцев, при чем Рахиль защищает свое чадо.

Третья лицевая Псалтирь — в полулист, по происхождению относится к XVI веку, написана также уставом хорошим; миниатюры ее отличаются однообразием, за исключением немногих, представляющих интерес.

Из остальных книг в ризнице заслуживают внимания рукописи: сборник старинный, в четверть листа, под заглавием „Устав скитский”, „Служебник” — XV века, также в четверть листа; печатанный в 1607 году Устав или Око церковное патриарха Гермогена, в лист; „Чинооснование церковное”, рукопись в шестую долю листа, писана вязью Иваном Григорьевым 1522 года; четыре старинных синодика Ипатиева монастыря, в лист, писанные полууставом, — из них же два — от половины XVII века; вкладная книга Ипатиева монастыря, в лист, переписана с прежних книг в 1728 году иеродиаконом Антонием Москвитиным, и множество разных богослужебных книг от половины XVII века и позднейших времен.

В заключение не можем не указать обозревателю ризницы и на то, что он здесь же имеет возможность поинтересоваться и хранимыми в рамках под стеклом десятью автографами Высочайших Особ, начиная с автографа императора Александра от 1837 года, сделанными в память об их посещениях Ипатиева монастыря.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Палаты царя Михаила Феодоровича.

Обстоятельства, вызвавшие в начале 1613 года временное поселение боярина Михаила Феодоровича в Ипатьевском монастыре, как в наиболее безопасном месте убежища. Данные относительно пребывания его в этом монастыре. Помещение Михаила Феодоровича в наместнических кельях. Время построения этих келлий и состояние их первоначальное и последующее — в XVII и XVIII веках. Продолжительность пребывания Михаила Феодоровича в Ипатьевской обители. Усвоение наместническому корпусу названия «Палаты», «Дворец царя Михаила Феодоровича». Ремонт Палат в 1841 и 1857—8 годах. Капитальное возобновление их в 1860—63 гг. Внешний вид реставрированных Палат и внутреннее расположение в них и содержание. Назначение Палат для Костромского церковно-историко-археологического музея.

СЛАВНЫЙ по многим замечательным святыням, имеющий за собою почти шестивековую давность существования, Ипатьевский монастырь в ряду священных отечественных памятников древности имеет исключительное для него право на особенное внимание и уважение русского народа и с той стороны, что в этой св. обители доселе сохраняются те покои или кельи, в которых юный Михаил Романов в начале 1613 года имел приют или, точнее, безопасное убежище от преследования поляков, покушавшихся на его жизнь во время пребывания в вотчинном селе Домнине. Эти кельи, составляя драгоценный памятник и имея исторический интерес, издавна производят глубокое и отрадное впечатление на сердца всех истинно русских, искренно преданных Державным Преемникам Родоначальника Дома Романовых. Отсюда не может не возникнуть в любознательном посетителе Ипатьева монастыря пожелание ознакомиться с этою отечественною достопримечательностью в относящихся к ней обстоятельствах и судьбах многовекового ее бытия.

Временное пребывание боярина Михаила Феодоровича Романова в означенной обители в начале 1613 года имело

свое место при исключительных обстоятельствах. Как известно, юный Михаил с матерью инокиней Марфою, по освобождении 21 октября 1612 года из польского плена в московском кремле, удалился в Костромскую свою вотчину — село Домнино (в 70 в. от г. Костромы). Здесь они проживали в полной надежде, что достаточно укрыты от военных бурь того времени и вражеских нападений, и юный Михаил не ведал о том, что, согласно завету патриарха Гермогена, был избран на всероссийский трон великим земским советом, собравшимся в Москве 7 февраля 1613 года для того, чтобы, через избрание главы государству — царя православного, спасти русскую народность и православную веру от иноверного ига поляков. В неделю православия 21 февраля православная Москва уже присягнула единодушно новоизбранному царю Михаилу Феодоровичу Романову и вскоре же к нему было отправлено именитое посольство. Но прежде чем оно успело прибыть в г. Кострому для предложения короны юному Михаилу Феодоровичу, он подвергся великой опасности от поляков. Узнавши о том, что на московском земском соборе решительно избран царем боярин Михаил Романов вместо ранее предположенного польского королевича Владислава, поляки составили дерзкий умысел — в целях воцарения Владислава отнять у России новоизбранного царя православного. Одному из польско-литовских отрядов, продолжавших бродить для грабежа в местах приволжских и заволжских, поручено было тайно проникнуть в село Домнино, чтобы внезапным нападением там захватить Михаила Феодоровича и отправить его в Польшу, а в случае сопротивления даже и убить его. Но жизнь всенародному Избраннику на царство спас известный патриотическим подвигом староста — крестьянин Иван Осипович Сусанин, — который ночью, во время сна утомившихся от блуждания в лесной глуши поляков, намеренно заводимых им подалее от с. Домнина, имел возможность с осторожностью рассказать разыскавшему его здесь зятю Богдану Сабину о

великой опасности для Михаила Феодоровича и его матери, при чем просил зятя как можно скорее известить их об этом. Затем утром И. Сусанин снова повел поляков блуждать по лесным чащам и замерзшим болотам, повидимому, стараясь отыскать затерянную дорогу к Домнину. Наконец, при полной уверенности, что Б. Сабинин уже успел выполнить данное поручение о предведомлении Романовых, доблестный старец-патриот неустрашимым своим признанием сам разрешил догадку поляков о том, что они обмануты своим невольным проводником, и тогда Сусанин после многих попыток был убит поляками в 10 верстах от Домнина, близ села Исупова, при болоте „Чистое”.

Получивши в своем Домнинском поместье чрез Б. Сабинина страшное известие о столь близкой опасности от злодеев, Михаил Феодорович и его мать — инокиня Марфа сочли для себя небезопасным дальнейшее пребывание в с. Домнине и вынуждены были поспешно бежать. Но какие же места могли быть наилучшими для их укрыательства, как не монастыри и хорошо защищенные города?! Однако, какой-либо глухой или провинциальный монастырь при таком опасном положении для Романовых не мог представлять собой надежное для них убежище. На расстоянии 15 верст от Домнина находился Железоборовской монастырь, устроенный тогда в лесной труднопроходимой чаще. Но для сына и матери Романовых, иногда здесь проживавших несколько времени, не было никакого резона теперь избрать этот монастырь для своего убежища, так как здесь жизнь их не была бы безопасна вследствие слабого безыскусственного укрепления обители, притом малобратственной. Монастырь Макарьево-Унжинский, в котором Михаил Феодорович малолетним, во время пребывания родителей в ссылке сохранялся под покровительством строителя из бояр — старца Давида Хвостова, отстоял от с. Домнина на 120 верст, а от г. Костромы — на 186 верст или на 5—6 дней пути.

И в этом малолюдном и неукрепленном монастыре, среди пустынных мест, Михаил Феодорович и мать его одинаково не могли чувствовать себя безопасными от гибели со стороны злобно преследовавших врагов-поляков. В виду этого представляется вполне понятным, что они — Романовы, по извещении Сабининым о покушении поляков на жизнь Михаила Феодоровича, тотчас решили и во-время успели быстро уехать в г. Кострому, так как здесь представлялось наиболее безопасных мест, притом устойчивых в защитно-боевом отношении.

Где же в гор. Костроме пребывали они или, точнее, укрывались от преследования поляков в начале 1613 года? С одной стороны, таким местом мог бы быть Костромской кремль, в котором находился двор Марфы Ивановны, а с другой стороны, крепкую защиту могли представлять Ипатьев и Богоявленский монастыри, находившиеся тогда за посадами. По хранящейся в Костромской Архивной Комиссии рукописи 1840-х годов, представляющей в себе древнейшее сказание, „Михаил Феодорович поместился в мужском Ипатьевском монастыре, огражденном каменною стеною с башнями и стрельницами, на прожительство в безопасности, а в Богоявленском монастыре, также окруженном толстыми каменными стенами и башнями со стрельницами и железными воротами, остаться не рассудил, по причине недавнего избиения в нем братии” злодеями поляками. Так из остальных двух укрепленных мест Романовы избрали Ипатьев монастырь для своего безопасного убежища, и хотя это — общепризнанное мнение, но мы вынуждаемся придать ему надлежащую установку лишь в целях более прочного обоснования исторического значения Ипатьева монастыря, как места убежища Михаила Феодоровича, особенно в виду возможных иногда предположений, что таким убежищем мог быть Костромской кремль с осадным в нем двором Марфы Ивановны.

В рассматриваемое время Ипатьевский монастырь представлялся более надежным для безопасного убежища, чем

костромской кремль, как в этом может нас убедить тогдашнее внешнее состояние кремля, с одной стороны, и Ипатьева монастыря, с другой. Костромской кремль, как видно из писцовых книг г. Костромы от 1628—30 годов, состоял из земляных валов, окопанных глубокими рвами, осыпь же была окружена деревянною стеною на протяжении 511½ сажень; стены устроены с 3 воротами и 14 башнями; „башни рублены все клетками, в борозду; вышина острогу две сажени с полусаженью; под верхом были полати с боем и подкотками”; стены и башни вооружены были огнестрельными орудиями — затинными пушками, коваными пищальями, волконями. Этот, повидимому, хорошо устроенный кремль, однакоже, не мог являться достаточно прочным; как видно из подрядных записей, он скоро приходил в обветшалое состояние и часто требовал ремонта своих стен деревянных и осыпей земляных. Как такой, костромской кремль естественно не мог представлять собой в начале 1613 года безусловно надежное, вполне безопасное убежище для бояр Романовых, вынужденных в критическом своем положении спастись от врагов-поляков. А между тем, в Ипатьевском монастыре уже с 1586—1590 годов потомками основателя его боярами Годуновыми Димитрием и Иваном Ивановичами и конюшим Борисом Феодоровичем была сооружена на протяжении 243 сажень окружавшая четырехугольное пространство крепкая каменная ограда с 6 хорошо вооруженными башнями с переходами по внутренней стене и амбразурами. Такая ограда представляла собою для тех времен самое укрепленное место, несомненно более устойчивую твердыню, чем деревянный кремль костромской. В каменных стенах Ипатьевой обители, служившей военной крепостью, уже ранее вместе с монахами сидели взаперти и отстреливались то верные слуги и защитники царя Василия Ив. Шуйского, то поляки и изменники, присягнувшие Лжедмитрию II. Хотя вооруженные стены Ипатьева монастыря перенесли в 1609—10 годах несколько военных осад, однако после того они не

потерпели существенных повреждений и продолжали в начале 1613 года представлять собою несомненно сильную крепость. Косвенным подтверждением этого служит то, что когда „для осадного времени в 127 (1619) году” совершалось вообще укрепление костромского кремля, даже был вновь построен посадскими людьми „новый город” в виде „тарас косых, как ставится острог лежащий”, тогда признано было совершенно достаточным для Ипатиева монастыря произвести (в 1621 г.) лишь небольшую надстройку над крепкими по себе оградными стенами, и они отнюдь не были переустроены или не были заменены новыми. Отсюда небезосновательным является тот вывод, что Михаилу Феодоровичу с инокиней Марфой в начале 1613 года естественнее всего было признать более безопасным убежищем не костромской кремль с осадным в нем двором Марфы Ивановны, а Ипатьев монастырь с его незыблемою крепостью, — в котором они, вероятно, не раз бывали на богомолье — хотя бы на короткое время и тогда уже хорошо понимали важное значение его, как военной крепости.

Правда, в недостаточно укрепленном г. Костроме была в конце лихолетья внутренняя смута; известно, что даже воевода города Иван Шереметьев был приверженцем польского королевича Владислава и, повидимому, нельзя было рассчитывать, что г. Кострома и Ипатьевский монастырь могут быть надежной тогда защитой для бояр Романовых. Но внутренняя смута в г. Костром имела свое место в начале марта 1612 г. Когда же Шереметьев, по вступлении князя Д. М. Пожарского и К. З. Минина с ратным ополчением в Костромской кремль, был тотчас низложен самими костромичами, весьма расположенными к великому патриотическому предприятию, и по их просьбе Пожарский назначил князя Романа Гагарина воеводой г. Костромы, — уже тогда совершенно прекратилась всякая смута в городе. После того же, как во второй половине октября 1612 г. произошло очищение столицы государства от врагов, в Костроме совсем не было приверженцев

королевича Владислава и, стало быть, некому было извещать поляков о временном укрывательстве Михаила Феодоровича в г. Костроме или, точнее, в Ипатиевом монастыре. Если же искомые поляками Романовы Михаил Феодорович и мать его инокиня почему либо не могли оставаться для поляков неизвестными по пребыванию в этом монастыре, как находящемся рядом с большим городом, то нельзя при этом опускать из вида то обстоятельство, что поляки бродили тогда партиями, отрядами, и в таком незначительном количестве, что какая либо польско-литовская шайка теперь, в конце февраля или в самом начале марта 1613 года не могла осмелиться, на верную гибель свою, произвести осаду крепкого по стенам и хорошо вооруженного Ипатиева монастыря.

Но известно, что этот монастырь пользовался покровительством бояр Годуновых, из коих Борис Феодорович сделался врагом Шестовых-Романовых, устранив их из Москвы, как имевших право на царский трон, на который между тем претендовал тогда и затем получил его сам Борис Годунов. Отсюда же Ипатиев монастырь, в царствование Бориса, покровительствуемый его боярами — Годуновыми, не мог бы считаться надежным убежищем или безопасным приютом для Михаила Феодоровича и его матери, так как монастырь этот несомненно был близок и самому Борису Феодоровичу. Но если у последнего из династических расчетов существовали враждебные отношения к боярам Романовым, то со смертью Бориса 13 апреля 1605 года у других бояр Годуновых, притом в начале 1613 года, могли быть иные отношения к Михаилу Феодоровичу, не враждебного характера. В это-то время, избирая убежищем для себя Ипатиев монастырь, Михаил Феодорович и инокиня Марфа, без сомнения, не могли представлять или ожидать для себя никаких опасностей со стороны Годуновых.

Сверх того, следует принять во внимание то, что со смертью Федора Борисовича Годунова (1 июня 1605 г.) и жены Бориса Марии, считавшихся попечителями Ипатиева монастыря,

последний поступил на попечение уже Феодора Никитича Романова, в иночестве Филарета, так как ему этот монастырь подарен Лжедмитрием (Д. Иловайский, С. Платонов и друг.), который в день коронавания своего 30 июля 1605 г. назначил Филарета ростовским митрополитом, при чем к его епархии принадлежал и этот монастырь. От Филарета Никитича, который и вторым самозванцем утвержден во владении Ипатиевым монастырем, последний естественно поступил на ближайшее попечение сына его Михаила Феодоровича. К этому же юному Романову родственные Борису бояре Годуновы, уже явно тогда утратившие государственное свое значение, не могли питать вражды или нерасположения теперь, спустя слишком семь лет по смерти Бориса — главного врага Романовых, тем более, что Годуновым не были неизвестны почти всеобщие симпатии и выборные в Москве голоса в пользу Михаила Феодоровича. Отсюда же и монахи Ипатиевой обители, при всем традиционном уважении к фамилии Годуновых, как давних благотворителей ее, теперь не могли решиться отказать в благосклонном приеме попечителю монастыря — юному Михаилу Романову. Подтверждение того, что он фактически состоял попечителем или как бы хозяином Ипатиева монастыря, представляет самое назначение инокини Марфы и вместе Михаила московскому посольству совершить прием его в этом монастыре, как своем. Таким образом, по самому владетельному праву и при том без всяких опасностей за злобные к себе отношения со стороны Годуновых и самых монахов юный Михаил Феодорович и мать его инокиня в начале 1613 года в критических для них обстоятельствах избрали убежище в том монастыре, который покровительствуем и благоукрашаем был и Борисом Ф. Годуновым.

Нельзя представлять дело так, будто „когда получилось известие, что московское посольство приближается к г. Костроме, Михаил Феодорович с матерью Марфою Ивановою, по просьбе костромичей, переехал для приема посоль-

ства в кельи Ипатиевского монастыря”. При таком допущении, пребывание их в этой обители пришлось бы считать не более как перемещением их сюда; а тогда сам собою возникает вопрос: ужели переселились они — Романовы для того только, чтобы в этом монастыре принять именитое московское посольство для большей торжественности — при соединенной московской и костромской крестной процессии?! Не представлялось ли более удобным и как бы естественным совершить такой прием в костромском кремле, где сосредоточены были все гражданские власти и где в Успенском соборном храме издревле пребывала и пребывает великая костромская святыня — чудотворная Феодоровская икона Божией Матери?!

Различные документы (уже от конца XVII века), также древние и новые историки одинаково свидетельствуют, что шестнадцатилетний Михаил Феодорович Романов с матерью инокинею Марфою в конце февраля и в начале марта 1613 года имели для себя вполне безопасное убежище действительно в Ипатиевском монастыре. Так, по свидетельству заключающихся в Дворцовых Разрядах (изд. 1850 г. 1 т. 11—106 стр.) подлинных грамот, относящихся к призванию Михаила Феодоровича на царство (55 и 1066 стр.), также по описанию в Троицком летописце (256 стр.) самовидца келаря Авраамия Палицына и в сказании о Самозванце, напечатанном в XVI книге Временника Императорского Общества истории и древностей Российских (135 стр.), именитое московское посольство в торжественной крестной процессии прибыло с предложением царской короны Михаилу Феодоровичу *в Ипатиевский монастырь*, — который им был избран для безопасного пребывания, видимо, гораздо ранее.

Также в прошении белопащца Ивана Л. Сабина из потомков Сусанина, поданном 1 февраля 1731 года в Московский приказ и представляющем собою несомненно повторение или копию таких же ходатайств в правительственные учреждения, уже не раз, в 1644, 1652 и 1692 годах,

представленных потомками Сусанина и Сабинаина о выдаче подтвердительных грамот о пожаловании в 1619 и 1633 годах им за подвиг прадеда земельных наделов и особых преимуществ, говорится, что „Богдана Сабинаина, своего зятя, Сусанин отпустил с вестью к великому государю, чтобы он шел „на Кострому в *Ипацкой монастырь*” („Памяти И. Сусанина”, В. Самарянова, 1884 г., Рязань, 76—77 стр.).

Кроме старинных от начала XIX века рукописных сказаний о подвиге И. Сусанина, заключающих в себе указания на то, что Михаил Феодорович во время прибытия московского посольства „на Кострому” пребывал определенно в Ипатьевском монастыре, ту же истину подтверждают печатные различные русские истории и пособия в речи о том.

Не приводя свидетельств из местных (костромских) исследований (епископа Павла, прот. М. Диева, прот. П. Островского, В. Самарянова), ни из сочинений выдающихся историков России (Н. Устрялов, С. Соловьев, Н. Костомаров, А. Трачевский, В. Назаревский и др.), мы ограничимся указанием лишь на два таких места. В книге „Лекции по русской истории” С. Ф. Платонова (изд. 1901 г.) сказано на 253 странице так: „Из Домнина Михаил Феодорович с матерью переехал в Кострому, в Ипатьевский монастырь, который поддерживался вкладами Бориса и при Лжедмитрии был подарен последним Романовым за все претерпенное ими от Бориса”. Почтенный историк Д. И. Иловайский с особенною выразительностью утверждает, что по извещении Сабининым об угрожающей опасности от поляков, „старица Марфа уехала с сыном своим в город Кострому, но они поселились не в самом городе, а укрылись за каменными стенами Ипатьевского монастыря”. Так целая плеяда весьма авторитетных и самостоятельных историков русских категорически признает лишь Ипатьев монастырь местом временного и надежного убежища Михаила Феодоровича с инокинею-материю, по удалении их из с. Домнина, и нет возможности или резонов не доверять согласным свиде-

тельствам их, основанным на документах. Отсюда же очевидным представляется великое историческое значение Ипатиева монастыря, поскольку в нем в начале 1613 года нашел для себя безопасное убежище от преследований злобных поляков Михаил Феодорович, родоначальник Царствующего Дома, — в этом монастыре спасена или сохранена жизнь целой династии Романовых. Вот почему и царственные потомки Михаила Феодоровича всегда обнаруживали особенное благорасположение и великую щедродательность к этой обители (особенно же Михаил Феодорович, Алексей Михайлович, Иоанн и Петр Алексеевичи, Екатерина II, Николай I, Александр II, Александр III и Николай II).

Если теперь представляется несомненным, что юный Михаил Феодорович вместе с инокиней укрывались от врагов поляков в крепких вооруженных стенах Ипатиевского монастыря, где же здесь они помещались? Безмолвным ответом на этот вопрос служат те покои или палаты, которым уже издавна усвоено название „Дворец Михаила Феодоровича Романова”, и они в своей прошлой общей судьбе и современном состоянии составляют предмет последующего описания.

Царский этот дворец, или „Палаты бояр Романовых”, находится в непосредственной связи (почти под прямым углом по направлению к югу) с устроенным по северной стороне монастырской ограды корпусом братских келлий. О времени построения здания, известного по имени „Дворца царя Михаила Феодоровича”, не сохранилось определенных сведений. Некоторые историки монастыря склонны относить построение его к 1586—1588 гг. и приписывают это известному благотворителю монастыря Д. И. Годунову. Но в виду того, что в находящихся в архиве Ипатиева монастыря деле под № 285 и расходных книгах казначея его, в которых перечисляются все постройки, произведенные в монастыре на средства Д. И. Годунова за время с 1586 по 1597 год, не упомянуто в ряду их ни о настоятельских,

ни о братских, ни о других каких-либо жилых зданиях, необходимо признать, что все жилые помещения монастыря, в том числе и названные палаты или покои, были построены гораздо ранее 1586 года и, весьма вероятно, на средства того же Д. И. Годунова и его племянника Бориса Феодоровича или же, по крайней мере, исправлены на их средства. До начала XVII века на месте каменных палат, как видно из древних монастырских описей, существовали сначала келарские кельи и в них помещались келары, которые в древних русских монастырях исполняли должность казначея, эконома и благочинного и были вторым лицом после настоятеля или игумена. Со времени учреждения (в 1598 г.) в Ипатьевском монастыре архимандритии, появились при этой должности наместники, которые в обителях, имевших настоятельство со степенью архимандритов, пользовались честью второго лица после настоятеля. Так как теперь наместники стали помещаться в келарских кельях, то последним было усвоено название наместнических келлий. В виду того, что келары и затем наместники занимали в монастырской иерархии видное место, являясь ближайшими помощниками настоятелей и архимандритов, — естественно, что и занимаемые ими кельи состояли в особенном внимании монастырского начальства и были одними из лучших в монастыре. Отсюда неудивительно, что когда явилась необходимость юному Михаилу Феодоровичу Романову и матери его инокине Марфе временно укрыться от угрожавшей великой опасности в Ипатьевом монастыре, им были предоставлены для помещения именно келарские или наместнические кельи, как одни из лучших по своему расположению и благоустройству. Этот корпус, по монастырским описям, назывался наместническим не только в XVI веке, но даже до половины XVIII века, когда ему стали усвоить название Дворца царя Михаила Феодоровича или Палат бояр Романовых; отсюда же исключается всякое предположение о том, будто эти палаты построены были специально для жительства Романовых.

Но при этом не только возможно, но и необходимо допустить некоторое расширение и со временем исправление наместнических помещений еще до 1613 года. Так, этот корпус распространен по длине в сторону братских келлий уже после первоначальной постройки этих зданий. Эти два корпуса, судя по четырем пилястрам, находящимся по лицевому фасаду палат Романовых и соответствовавшим четырем поперечным капитальным его стенам, первоначально составляли особые здания, отделенные одно от другого промежутком в 3 аршина. Они соединены и образовали, как теперь, одно целое уже впоследствии через произведенную пристройку, которой келарские кельи, ранее имевшие в длину не более 11 сажень, увеличены до $15\frac{1}{2}$ саж. по западной стороне и до $12\frac{1}{2}$ саж. по восточной (при ширине с южного края этих келлий в 4, а с северозападного в 2—3 сажени), вообще же распространены, насколько позволяло соседство братского корпуса, с одной, и близость монастырской стены, с другой стороны. С возведением этой пристройки, в нижнем этаже келарских келлий, в коем было две кельи, одна направо, другая налево, с отдельными по середине ходами или двумя сенями, прибавилась третья келья с чуланом, а в верхнем этаже могло быть от 5 до 6 комнат, кроме передней и чулана. Означенное увеличение или распространение келарских келлий в длину произошло, с большою вероятностью, в самом конце XVI века по случаю учреждения в Ипатьевском монастыре архимандрии и при ней должности наместника, которому нужно было дать приличное помещение. Затем нельзя сомневаться в том, что в самом начале XVII века произведены были в этом уже наместническом корпусе если не переделки, то починки и исправления более или менее значительные. Известно, что в 1609 году Ипатьевский монастырь, в котором, как прочной крепости, в начале марта заперлись под начальством воеводы Вельяминова поляки, вытесненные из г. Костромы, более четырех месяцев был осаждаем со стороны оставшихся верными

царю Василию И. Шуйскому костромитян, при чем осажденные и осаждавшие вели ожесточенный бой посредством пушек и пищалей. После этой четырехмесячной энергичной осады, на ряду с зданиями как монастырскими, так и церковными не могли остаться без значительных повреждений наместнические кельи, находившиеся у самых въезжих западных ворот не далее 1—1¹/₂ сажень от монастырской ограды, притом же тогда не имевшей нынешней высоты. Поэтому незадолго до 1613 года, без сомнения, произведены были в наместнических кельях починки и исправления повреждений. Этот корпус наместнический, вероятно, целиком был предоставлен Михаилу Феодоровичу, особенно если с ним пребывала и его мать.

Может при этом возникнуть вопрос, долго ли Михаил Феодорович жил в этих покоях в начале 1613 года. Как уже сказано, по освобождении из польского заключения в Москве 21 октября 1612 года, Михаил Феодорович и мать его инокиня отправились на жительство в свою костромскую вотчину — с. Домнино. Отсюда они, как известно, несомненно путешествовали в Макариево-Унженский монастырь для поклонения честным мощам преп. Макария. Паломническое это путешествие тогда было, когда отец Михаила митрополит Филарет пребывал еще в Польше, оставленный поляками в виде заложника, или, точнее, после прибытия, в начале ноября 1612 года, в с. Домнино из г. Москвы. Если примем во внимание, что путешествие в Макариево обитель требовало времени, по меньшей мере несколько недель, то, судя по одному этому, должны заключить, что Михаил Феодорович и инокиня мать Романовы для безопасности от нападения поляков могли переселиться в Ипатиевский монастырь не ранее самого конца 1612 года или даже в начале 1613 года. С другой же стороны, польский отряд получил от своих командиров поручение отыскать и схватить будущего русского царя Михаила Феодоровича и затем прибыл с этою целью в костромскую его вотчину, конечно, тогда, когда он открыто был

намечен на царский трон — не ранее 7 февраля, а может быть, когда он был уже избран на царство в Москве — 21 февраля 1613 года. Следовательно, поляки до февраля 1613 года не имели повода разыскивать всероссийского избранника на царство и были в Домнине или не ранее как в первой половине февраля, или даже в начале марта 1613 года. По всем же историческим памятникам Михаил Феодорович оставил свое вотчинное село Домнино только с появлением поляков, тотчас по извещении Сабининым об опасности уехав окрестными дорогами в Ипатиевский монастырь. Если так, то Михаил Феодорович, со времени помещения в этом монастыре до своего отбытия из него в Москву 19 марта 1613 года, пребывал здесь немного больше, если только не менее, одного месяца, приблизительно с половины февраля (времени нашествия поляков на Домнино) до 19 марта, в каковой день он с матерью инокинею отправился в столицу государства.

Высоко ценя Ипатиевскую обитель и в частности те кельи в ней, в коих в течение месяца Михаил Феодорович с матерью имел безопасное убежище, он по воцарении своем сохранял живое о них благодарное воспоминание, и в виду этого можно с вероятностью полагать, что в тех же кельях ветхости исправлены были при царе Михаиле Феодоровиче, по его повелению, как в 1621 году, когда была произведена надстройка монастырской ограды, так и в 1642 году, когда прибавлена новая площадь в 2250 кв. сажен с западной стороны и обнесена каменной стеною с 3 башнями. Весьма вероятно, что это прибавление значительной площади вблизи наместнических келлий, как и возвышение ограды, имело целию, в виду возможного в те времена нападения на мирную обитель, защитить таким образом тот дом или покои, в которых он сам в начале 1613 года укрывался от покушений поляков и которые поэтому были ему, конечно, дороги.

О каких либо других последующих направлениях и переделках наместнических келлий в том же XVII веке

сведений в монастырских документах не сохранилось. В первой половине XVIII века, как видно из сметы 1742 года архитектора Мичурина, наместнические кельи были в удовлетворительном состоянии, так что оказывалось необходимым произвести лишь незначительные починки, и то в деревянных частях здания (в крыше, переходах, лестницах, крыльцах), каменная же кладка не требовала фундаментальной поправки. По этой же смете можно составить ясное и отчетливое понятие о размерах этих келлий и о внутреннем и внешнем их виде. В то время наместнический корпус, бывший в длину, как уже сказано, по западной стороне $15\frac{1}{2}$ сажень, а по восточной $12\frac{1}{2}$ сажень, при ширине в южном конце в 4 сажени, а в северном в 2—3 сажени, имел два аппарата или этажа и при них с задней стороны деревянные сени с кладовыми чуланами. В высоту от основания до крыши он имел до $3\frac{1}{2}$ сажень. При кельях крыльцо с восточной стороны деревянное о двух площадках, длиною 15 аршин, а шириною 7 аршин. Крыты кельи тесом. В обоих этажах было по 9 окошек, обращенных преимущественно на восток и отчасти на юг, длиною по 1 аршину и шириною по 12 вершков. В нижнем этаже наместнических келлий, как и в других монастырских помещениях, оконницы были слюдяные, а в верхнем этаже были оконные рамы со стеклами. Количество келлий в том и другом этаже наместнического корпуса было такое же, какое образовалось по соединении этого корпуса с корпусом братских келлий и, следовательно, после увеличения его в длину.

Во второй половине XVIII века наместнический корпус подвергся весьма значительным переделкам. С учреждением Костромской епархии в 1744 году, когда Ипатиевский монастырь сделался архиерейскою кафедрою, с образованием в нем и кафедрального собора, забота об устранении разного рода недостатков как в церквах, так и других зданиях обители лежала исключительно на местных епископах. В этом отношении особенно много внимания, усердия и архитек-

турных познаний при исправлении ветхостей в Ипатиевском монастыре проявил епископ Дамаскин, управлявший епархией с 1758 по 1769 г. По его желанию, между прочим, наместнические кельи не только исправлены, но и распространены почти вдвое больше против прежнего. Пользуясь близостью (3—5 арш.) этого здания к западной монастырской ограде (в толщину более сажени), он соединил верхний этаж келлий с этою оградю поперечными на арках стенами. Вследствие этой пристройки наместнический корпус имел 7 сажень в южном и 5 сажень в северном конце, при сохранении прежней длины, при чем число комнат в верхнем этаже с 5 увеличилось до 11, а в нижнем было 3, всего же в обоих этажах состояло 14 комнат. Нижний этаж корпуса оставался без перемен и позади его между ним и монастырскою оградю оказалось под арками пустое пространство, известное по монастырским описям под названием „засенье”. Последнее соединялось особым ходом с таким же засеньем, существовавшим позади корпуса братских келлий и архиерейского дома. Кроме помещений для наместников, в северо-западной части этого корпуса было выделено несколько комнат для некоторых органов епархиального управления, с особым ходом с северной стороны. Здесь в разное время помещались: монастырское правление, ставленническая контора, экономы архиерейского дома, епархиальное попечительство, причетнический класс.

Не говоря о мелких починках ветхостей и о переделках во второй половине XVIII века, мы обратим внимание на новые переделки в наместническом корпусе, с перемещением в него с 1797 по 1802 г. местной духовной семинарии из Спасо-Запрудненского монастыря, после пожара семинарских зданий в нем. Тогда в течение пяти лет комнаты в этом корпусе отведены были для помещения префекта семинарии и под богословский класс. При этом для приспособления этих келлий к новому помещению, конечно, были произведены некоторые хотя несущественные пере-

мены в количестве и расположении комнат, дверей, в размере окон и проч. Возможно, что в это же время были отняты внешние деревянные переходы с балконом и лестницы со стороны монастыря и устроены с северной стороны здания.

Так, до начала XIX столетия наместнические кельи с конца XVI века служили исключительно нуждам монастыря. Несомненно, что уже с 1613 года в монастыре свято сохранялась память о том, что в этих кельях пребывал юный боярин, потом царь Михаил Феодорович. Только особого исторического значения им не придавалось до XIX века. Лишь с перемещением в 1802 году духовной семинарии снова на Запрудню в возобновленные после пожара собственные ее здания настолько уяснилось в сознании монастырского начальства высокое значение тех келлий, в которых жил первый Царь из Дома Романовых, что их стали считать местом священным, почему в них не должны помещаться простые лица, и они должны быть тщательно охраняемы и содержаться в порядке и образцовой чистоте. С этого времени корпус наместнический стал предметом особенного внимания, забот и уважения, так что в нем никому даже из монастырских властей не позволялось помещаться на жительство. Насколько велико стало уважение к кельям или покоям, занимаемым царем Михаилом Феодоровичем два века тому назад, выразительно показывает то обстоятельство, что костромской епископ Павел (1830—36 г.), не смотря на крайнюю нужду, не позволил себе и на короткое время поместиться в них, хотя бы по производе потребного ремонта. Епископ Самуил (1817—1830 г.г.) на время перестройки архиерейского дома взял для своего помещения кельи, устроенные подле наместнического корпуса над каменными погребями. Несомненно, тогда уже прочно утвердилось за древними наместническими кельями ранее изредка применяемое название „Палаты” или „Дворец царя Михаила Феодоровича”, также „Царские чертоги”. О них в летописях начала XIX века встречаются такие

замечания: „кельи те самые, где государь Михаил Феодорович имел пребывание со своею родительницею, остаются донныне в своем виде и никем не занимаются”, или (в описании Ипатиева монастыря, еп. Павла, изд. 1832 г.): „кельи царя Михаила Феодоровича остаются неприкосновенными в первобытной своей простоте”. Некоторое в этом отношении исключение иногда составляли лишь нижний этаж этого корпуса, в одной половине которого помещались: экононы архиерейского дома и казначей монастыря, главным образом „для охранения сей древности”, и пять лет — правление монастыря, а в другой половине находилось (в 1850 годах) епархиальное попечительство.

Не смотря на высокое уважение к „Царским чертогам”, с которыми соединено для истинно русского человека так много отрадных воспоминаний, епископы костромские, за неимением достаточных средств, не могли поддерживать это историческое здание в должном виде, вполне приличном его значению, и кельи или покои первого Царя из Дома Романовых не имели надлежащей прочности и не представляли изящества в себе. Об обветшалом тогда состоянии Царского дворца выразительно свидетельствуют следующие в „Отечественных Записках” за 1819 год заметки издателя их П. П. Свиньина, в 1817—19 годах обозревавшего Ипатиевский монастырь: „Своды этих келлий были столь ветхи, что грозили разрушением”; снаружи он „заметил развалины крыльца, которое вело прямо во второй этаж; дверь, бывшая у сего крыльца, ныне заложена, а лестница на верх устроена снизу”. На такое неудовлетворительное состояние Царского дворца обратили серьезное внимание: прежде всего великий князь Михаил Павлович, при посещении Ипатиевского монастыря в бытность в г. Костроме в 1817 году, а главным образом Государь Николай I, посетивший в 1834 году этот город, Ипатиевскую обитель и вместе „Царственную храмину”, в которых сохранилась жизнь и слава России в лице юного Михаила Феодоровича. По осмотре церквей и келлий Государь

повелел восстановить эту знаменитую по совершившимся в ней историческим событиям обитель и обновить все здания монастыря. Для этого, согласно докладу Св. Синода, отправился в г. Кострому профессор архитектуры Императорской Академии Художеств К. Тон с поручением ознакомиться на месте с состоянием монастырских зданий и в частности чертогов царя Михаила Феодоровича и затем свои соображения по сему и планы необходимых работ, с согласия Министра Внутренних Дел, представить чрез Св. Синод на ВЫСОЧАЙШЕЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА воззрение.

План и смета были составлены проф. К. Тоном на 2794 р. 49 к. и 13 марта 1835 года удостоились Высочайшего утверждения. По этому плану, между прочим, было предположено к той келье, которую занимал царь Михаил Феодорович, снова приделать по прежнему крыльцо, а над наружным входом в келью поставить царский того времени герб, чтобы отличить эти кельи от прочих. Но только в 1841 году, после продолжительной переписки с разными учреждениями, было приступлено к работам по утвержденной смете, а через год они уже окончены были. Тогда кельи покрыты железом, снаружи раскрашены в шахматы и к ним приделано вновь каменное с чугунною лестницею крыльцо по лицевому фасаду с юга на север, при чем вместо двух входов в верхний этаж устроен один, переделаны полы, двери, окна и проч. Но все эти переделки и поправки касались лишь наружной стороны здания и не могли остановить разрушения, к которому постепенно клонилось это здание, воздвигнутое в конце XVI века. Дело в том, что сами стены в чертогах царя Михаила Феодоровича от давнего времени довольно обветшали, и вскоре, именно в 1855 г., по освидетельствовании их епархиальным архитектором, оказалось, что стены и своды в нижнем этаже корпуса имеют трещины, а наружные стены вершков на 6 отклонились от вертикального положения: арки, на которых в верхнем этаже устроены капитальные стены, пришли в совершенное

разрушение; кирпичи из замков выпали; булыжный фундамент из под стен частью также выпал, так что стены угрожали падением, почему были подперты бревнами. В виду такого состояния здания вновь была составлена смета на капитальное исправление Царского дворца на сумму 3461 р. 54 к. и, по надлежащем утверждении в октябре 1856 г., приведена в исполнение к 1 октября 1858 года.

Но, не смотря на то, что теперь произведены были капитальные исправления в Царском дворце, разобраны и вновь сложены стены на протяжении 20 с лишним сажень, исправлен фундамент, переделаны возведенные столет назад арки, на коих держалась западная половина Царских покоев, уже чрез полгода после окончания и приемки ремонтных работ, „в комнатах царя Михаила Феодоровича” оказалась трещина. По новом освидетельствовании этого здания, признано было необходимым произвести новые работы для укрепления продольных и поперечных стен по смете на сумму 540 р. 55 к. Однако, последние предположения не были осуществлены, так как вскоре монастырскому начальству сделалось известно, что Император Александр II, два раза (в 1837 и 1858 г.г.) посетивший Ипатьевский монастырь и покои царя Михаила Феодоровича, решил произвести на суммы придворного ведомства полную во вкусе XVII века реставрацию знаменитого этого дома, по плану архитектора Московской придворной конторы Рихтера. При возобновлении его повелено взять за образец боярского сооружения древний дом Романовых в Москве, существующий доселе на Варваринской улице. По тщательном изучении здания, отличив в нем остатки древней архитектуры от позднейших добавлений и применительно к указанным ему образцам построек XVI и XVII в.в., Рихтер по составленному им новому плану здания, удостоившемуся в 1860 г. Высочайшего одобрения, окончил реставрацию к началу осени 1863 года. По особому Высочайшему повелению, возобновленный дворец царя Михаила Феодоровича освящен 30 сентября этого года костромским архиепископом

Платоном с особою торжественностию, в присутствии президента Московской дворцовой конторы Обер-Гофмейстера князя Н. Трубецкого и костромских властей и духовенства.

Реставрированные Палаты царя Михаила Феодоровича ныне, как было и в XVII веке, имеют два этажа древних размеров, а именно — в длину по западной стороне $15\frac{1}{2}$ с., а по восточной $12\frac{1}{2}$ саж., при ширине с южного края 4 с. и с северного 3—2 сажени. В нижнем этаже — две комнаты с особыми при входе сенями, разделенными капитальною стеною. В правой стороне этого этажа еще есть комната с особою входною дверью, — где иногда жил смотритель дворца. Вход в указанные помещения в нижнем этаже находится под аркою, на которой устроена ведущая в верхний этаж лестница в 17 ступеней, шириною в 3 ар., с балконом 6 X 3 аршин., покрытым легким железным зонтом. Прямо против лестницы в верхнем этаже, по проходе большой площадки, находятся две узкие одностворчатые двери, выходные в сени (9 X 4 аршина), разделенные каменной стенкой на две половины и имеющие на противоположной стороне выходные двери на деревянную галерею. Налево от входа в сени посетитель входит в половину собственно Михаила Феодоровича. Она состоит из двух только комнат, величиною одна 9 X 6 аршин, а другая при одинаковой длине на половину уже первой, но лежит на ступень выше ее. Окон в первой комнате два, а во второй три, и выходные двери на деревянную галерею, устроенную на задней стороне здания. В этой половине дворца — две печи, облицованные старинными изразцами с синими рисунками по белому полю, большею частью аллегорического содержания, с надписями из библейских изречений и народных поговорок, при чем некоторые затерявшиеся изразцы заменены новыми, вполне сходными с древними. Направо от входных дверей в сени посетитель входит в половину матери Михаила Феодоровича, инокини Марфы. Здесь четыре комнаты, имеют, при одинаковой длине в 9 арш., ширину:

первая 5 аршин, вторая и третья — по 3¹/₂ арш. и четвертая, по преданию столовая, от 6¹/₂ до 7 аршин. Окон в этих помещениях шесть, из них 4 обращены на восток и 2 на север. Печей в этой половине три: одна в передней комнате, другая в следующей за нею комнате и третья в задней или столовой; печи, кроме последней, обложены снаружи расписными изразцами с изразцовыми же колонками. Из второй и третьей комнат имеются выходы на деревянную галлерею, что при западной стене дворца. Потолки во всех комнатах верхнего и нижнего этажей сводчатые. В большинстве комнат устроены ниши. Окна в верхнем этаже имеют в свету размеры 16 X 8 вершков, а в нижнем 14 X 7 вершков и запираются изнутри деревянными ставнями и брусом, вставляемым концами в устроенные в стенах гнезда.

Деревянная галлерея при западной стене корпуса имеет в длину 12 сажень и ширину 3 сажени и напоминает собою деревянные сени с переходами, существовавшие здесь в XVI—XVIII веках. Отсюда производилась топка печей в жилых помещениях. В северном конце галлереи имеется крытая лестница для сообщения с нижним этажом, в котором помещалась прислуга. Между дворцом и монастырской оградой расстояние от 1¹/₂ до 3 сажень.

Покои царя Михаила Феодоровича снабжены старинными иконами, картинами и мебелью. Из икон обращают на себя внимание, по преданию, бывший в молельной комнате юного Михаила деревянный складень с Феодоровской иконой Божией Матери в середине и изображениями на полях архангела Михаила, св. Николая, архангела Гавриила и преп. Сергия Радонежского, а на дверцах изображены апп. Петр и Павел; еще в басемных окладах Владимирская икона Божией Матери и икона преп. Соловецких Чудотворцев Зосимы и Савватия. Из старинных картин заслуживают упоминания: послание из г. Москвы с предложением царской короны Михаилу Феодоровичу; живописная картина (от 1837 г.) с

изображением: а) шествия в Ипатьев монастырь московского посольства из Селищ, б) ходатайства его о принятии Михаилом Феодоровичем царской короны и в) коронавания его в московском Успенском соборе; исполненный масляными же красками портрет царя Михаила Феодоровича; родословное дерево русских царей от римского кесаря Августа; родословное дерево от Рюрика до Екатерины I; венчание Елизаветы Петровны на царство; аллегорическая картина — Екатерина II. Из старинной мебели имеются в покоях Михаила Феодоровича кресла и стулья, обитые разрисованною и позолоченною кожею, также шитые шелком и серебром материею, — но большая часть их представляет имитацию. При таком внутреннем содержании дворец не ранее как с 1860 года состоял в придворном ведомстве и был охраняем особым служителем по назначению Дворцового начальства. В половине 1912 года дворец царя Михаила Феодоровича передан в ведение и распоряжение монастырского начальства и на особо ассигнованные из Дворцового Управления суммы приспособлен для помещения в нем ризничных предметов монастыря и вместе церковно-историко-археологического музея с архивом и библиотекою при нем.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Архиерейский дом и прочие монастырские здания.

Первоначальное его устройство и назначение. Последующие изменения в устройстве архиерейского дома. Прочие монастырские здания, занимаемые ныне братскими кельями и епархиальным свечным заводом.

По левую сторону от въезжих северных монастырских ворот, в направлении к востоку, на 22 сажень, и затем, под прямым углом к югу, на протяжении 37 сажень, расположен трехэтажный каменный архиерейский корпус, в одной — большей половине которого, обращенной на северо-восток, находятся покои епархиального епископа, а в другой — меньшей, обращенной к юго-востоку, — покои викарного архиерея. По середине же между этими покоями находятся две крестовые церкви: одна во имя свв. Хрисанфа и Дарии, а другая во имя свм. Ипатия и св. апостола Филиппа. В нижнем этаже архиерейского корпуса находятся хозяйственные помещения и комнаты для старшей монастырской братии и прислуги.

До учреждения в 1744 году Костромской епархии и до назначения епархиальному преосвященному местожительства в Ипатиевском монастыре, нынешний архиерейский дом, согласно данному строителями Годуновыми (в 1588 г.) назначению, назывался „настоятельским”, имел с подвальным три этажа и первоначально расположен был на протяжении 17 сажень по одной только северной стороне монастыря. По восточной же стороне, на 26 сажень, в одной связи с оградой, были устроены святые и въезжие ворота с привратными кладовыми и экономическими кельями в два этажа, причем св. ворота украшены были стенным письмом с изображениями Спасителя, Божией Матери и разных святых.

Костромской епископ Сильвестр Кулябка (1745—1750 гг.), признавши назначенные ему помещения неудобными для себя, распорядился надстроить над двухэтажными экономскими каменными кельями третий деревянный этаж и оштукатурить его снаружи и изнутри, придав ему таким образом вид каменного здания. Епископ Сильвестр уделил в архиерейском доме место и для основанной им духовной семинарии, которая здесь помещалась до 1758 г., т. е. до построения для семинарии особого дома на Запрудне.

В 1760 году еп. Дамаскин устроил в северо-восточном углу архиерейского дома крестовую церковь в честь Владимирской иконы Божией Матери с моленной при ней комнатой. При нем обе половины дома по северной и восточной сторонам монастыря были заняты под архиерейские покои. Для входа в эти покои близ северных св. ворот было устроено большое украшенное разноцветными изразцами крыльцо на таких же каменных столбах, какие ныне видим у крыльца Троицкого соборного храма, с каменными же от крыльца к собору переходами. Это парадное крыльцо в 1821 году, при еп. Самуиле, было разобрано и вход в архиерейские покои был устроен внутри здания.

В следующем 1822 году деревянный третий этаж, вследствие значительного обветшания, заменен каменным на отпущенные для этого из казны 57687 р. 80 коп. ассигнациями, при чем со стороны реки Костромы архиерейский дом украшен красивою колоннадою с фронтоном и живописным на нем изображением богини Фемиды с весами в руках. Изображение это в 1831 году, по распоряжению еп. Павла Подлипского, было заменено изображением Знамения Божией Матери.

Устроенная еп. Дамаскиным крестовая церковь пресвященным Самуилом вновь была перестроена, с увеличением ее размеров в сравнении с прежней, и освящена в 1822 г. в честь Владимирской иконы Божией Матери и св. Александра Невского и преп. Александра Свирского.

В 1836 году колоннада, украшавшая архиерейский дом

с восточной стороны, была сломана, а в середине восточного фасада архиерейского дома, над прежними воротами, вследствие Высочайшего повеления в июне 1835 года — привести Ипатьевский монастырь в такой вид, который бы вполне соответствовал его историческому значению, устроена церковь во имя свв. мучеников Хрисанфа и Дарии и, согласно проекта архитектора Тона, приступлено в 1841 году к перестройке архиерейского дома на отпущенные для этого особо из средств казны 24600 рублей. Работы эти, по причине падения сводов в церкви Хрисанфа и Дарии 2 авг. 1841 года, замедлились производством на целых двадцать лет, и дом архиерейский окончательно был устроен лишь к концу 1862 года, когда и последовало освящение устроенной в верхнем этаже его, у самых ворот, малой крестовой церкви во имя свм. Ипатия, перенесенной потом, в 1875 году, в нынешнее ее помещение рядом с церковью свв. Хрисанфа и Дарии. В последующие времена архиерейский дом уже не подвергался никаким существенным изменениям.

Из остальных каменных зданий, ныне занимающих площадь Ипатьевского монастыря, укажем прежде всего на находящийся к югу от Дворца царя Михаила Феодоровича Романова, в расстоянии почти трех сажен от него, двух-этажный каменный корпус, длиною 34 аршина. Он ныне служит помещением преимущественно для низшей монастырской братии.

Первоначально на этом месте находились братские кельи, построенные в 1562 году благотворителями обители Годуновыми. На месте этих келий в 1732 году на монастырские средства был построен для этой же цели новый каменный, над погребами со сводами, корпус, с деревянным со стороны „нового города” крыльцом. В верхнем этаже этого корпуса, по ведомости 1763 года, находились четыре жилых покоя для „катедральной и ставленнической контор”.

В конце XVIII ст. в этом корпусе помещались настоятели дальних монастырей, присутствовавшие в Духовной Конси-

стории а с 1823 года, по случаю перестройки архиерейского дома, несколько лет находилось здесь Епархиальное Попечительство, затем опять братские кельи.

По Высочайше утвержденному в 1835 г. плану архитектора Тона, на месте так называемого черного двора, т. е. разного рода хозяйственных построек, возведенных большею частью в 1604—1605 годах на „хлебнопровозные“ деньги и находившихся к югу от указанного выше корпуса братских келлий, в 1840—1845 годах построен каменный двухэтажный корпус, величиною 30 X 4 сажень, предназначенный для трапезы монашествующих и для других хозяйственных нужд. Однако же с 1845 по 1863 г. этот корпус, по причине перестройки архиерейского дома, служил некоторое время помещением для епархиальных архиереев.

В 1861 году, для воспособления крайним нуждам монастыря и архиерейского дома, имевших самые скудные средства, еп. Платон исходатайствовал разрешение Св. Синода устроить в архиерейском доме свечной завод для снабжения монастырей и церквей Костромской епархии восковыми свечами. После 1863 года в этом корпусе находились: в нижнем этаже братская трапеза, кухни и свечной монастырский завод, а в верхнем — помещение для наместника Ипатиевского монастыря. В настоящее время в нем помещается в нижнем этаже и половине верхнего епархиальный свечной завод, а в другой половине находятся кельи наместника монастыря.

Для помещения низшей монастырской братии служил корпус, расположенный вправо от нынешних въездных монастырских ворот, по северной стороне ограды, в направлении к западу, на протяжении 26 сажень. Уже в конце XVII века встречается упоминание об этом северном корпусе для иноков, который первоначально имел один этаж. При еп. Дамаскине (1758—1769 г.г.) над этими иноческими кельями надстроен второй каменный же этаж. В нем было шесть келлий с накатными потолками, крытых тесом. В

1841 году этот корпус покрыт железом и выкрашен медянкою. В настоящее время в нем помещается, кроме братских келлий, монастырская трапезная. Корпус братских келлий находится в непосредственной связи с корпусом, пересекающимся с ним почти под прямым углом в направлении к югу и известным под названием „Дворца Михаила Феодоровича” или „Палат бояр Романовых”.

К о н е ц .